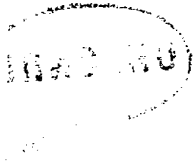
М. В. Бернацкій.



КЪ АГРАРНОМУ ВОПРОСУ

Книгоиздательство „ДѢЛО“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1906.

I.

Конéчныя цѣли и ближайшія задачи рабочаго движенія уже выяснены наукой и жизнью въ достаточной мѣрѣ: между сторонниками соціалистическаго міровоззрѣнія въ этой области достигнуто желанное соглашеніе, не исключающее, конечно, временныхъ тактическихъ разногласій. Область индустріальнаго производства во всѣхъ странахъ ясно обнаруживаетъ раскрытую Марксомъ тенденцію къ концентраціи. Побѣда крупнаго производства надъ среднимъ и мелкимъ настолько очевидна, что Бернштейнъ, производящій ревизію марксизма, настаиваетъ только на относительной медленности процесса. Какъ бы то ни было, но «обобществленіе» индустріи является фактомъ. Иначе, повидимому, обстоитъ дѣло съ аграрнымъ вопросомъ: ему, очевидно, суждено еще долго служить теоретическимъ и партійнымъ яблокомъ раздора. Нѣтъ сомнѣнія, что правильная постановка аграрной проблемы сильно затрудняется сложностью послѣдней, своеобразнымъ характеромъ земельныхъ отношеній, сохраняющихъ пережитки стараго легче и дольше, чѣмъ область индустріи. Эти «историческія наслѣдія» особенно сильно даютъ себя знать въ Европѣ; свободное отъ нихъ земледѣліе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ представляетъ довольно отчетливую картину современнаго аграрнаго капитализма.

Сельско-хозяйственное производсто отличается, конечно, нѣкоторыми естественными и техническими признаками отъ индустріальнаго, въ силу чего одинъ и тотъ же общественно-экономическій процессъ въ сферѣ земледѣлія и промышленности можетъ носить различный внѣшній видъ; при неумѣніи или нежеланіи вдуматься въ

сущность хозяйственной эволюціи — легко предаться изученію о с о б ы х ъ законовъ развитія сельскаго хозяйства.

Наиболѣе глубокомысленный изъ современныхъ представителей «ортодоксальнаго» марксизма — Каутскій — въ своемъ изслѣдованіи по аграрному вопросу говоритъ слѣдующее: «Несомнѣнно — и это мы считаемъ заранѣе доказаннымъ,—что сельское хозяйство не развивается по тому же шаблону, какъ индустрія. Сельское хозяйство слѣдуетъ своимъ собственнымъ законамъ. Но этимъ ни въ коемъ случаѣ не сказано, что развитіе земледѣлія представляетъ прямую противоположность развитію индустріи и несоединимо съ нимъ. Мы надѣемся скорѣе доказать, что они оба стремятся къ одной цѣли, если только разсматривать ихъ не изолированно другъ отъ друга, но какъ нераздѣльные члены одного и того же процесса». Другими словами, эволюція земледѣлія сравнительно съ индустріей подчинена не какимъ-то особымъ законамъ, а только—формы проявленія этихъ законовъ нѣсколько отличны.

Наука во всѣхъ отрасляхъ знанія мощно разбиваетъ «особые законы» міровой эволюціи: человѣкъ — «гордый царь природы» — біологически развѣнчанъ и интерпретируется, какъ одно изъ звеньевъ въ развитіи животнаго міра; современная психологія уже интересуется «душевной» жизнью не только млекопитающихъ, но и насѣкомыхъ; исторія человѣчества вскрываетъ поразительную аналогію въ смѣнѣ различныхъ общественныхъ институтовъ и хозяйственныхъ «устоевъ» у самыхъ разнообразныхъ племенъ и націй. Достаточно вспомнить судьбу якобы свойственной только русскому народу «сельско-хозяйственной общины», слѣды которой были открыты въ Западной Европѣ и чистый типъ которой былъ обнаруженъ въ Азіи (Индія, Суматра, Ява). Самый ходъ развитія общественной мысли у каждаго народа отличается поразительной аналогіей. Каждой націи хочется вѣрить, что она—перлъ міросданія и въ процессѣ самоустроенія дастъ много очковъ впередъ своимъ сосѣдямъ. Отсюда — вѣчные разговоры объ особыхъ «путяхъ» эволюціи отдѣльныхъ народовъ. Еще не такъ давно русскіе народники предрекали полный крахъ капитализму въ Россіи, буде онъ пожелаетъ расположиться въ нашей дѣв-

ственной, патріархальной родинѣ; полагаясь на «особыя» условія жизни нашей страны, нѣкоторые изъ нихъ дѣлали весьма утѣшительныя умозаключенія насчетъ хозяйственнаго развитія Россіи, могущей избѣжать всѣхъ золъ капитализма. Неожиданно (для нѣкоторыхъ) получался и своеобразный политическій эффектъ: оказывалось, что самодержавіе въ очищенномъ видѣ вовсе не является безусловнымъ тормозомъ русской культуры, что—пожалуй—сильная центральная власть можетъ быть использована въ цѣляхъ коренной соціальной реформы. На почвѣ признанія самобытныхъ законовъ русскаго развитія упомянутое теченіе шло быстрыми шагами въ храмъ государственнаго соціализма, истинный политическій и экономическій смыслъ котораго вскрылъ на Западѣ не кто иной, какъ Бисмаркъ. Русская бюрократія неоднократно прикрывала свои обскурантистскія затѣи фиговымъ листкомъ народническихъ идеаловъ: достаточно вспомнить, что, по ея увѣренію, даже земскіе начальники вводились ради спасенія рядового русскаго «мужичка» отъ притѣсненій «сельскаго кулака».

Жизнь шла своимъ чередомъ и разбивала одну народническую иллюзію за другой. Капитализмъ обнаруживалъ въ Россіи съ каждымъ годомъ все большую приспособляемость и дѣйственность. Правда, широкому размаху капитализированія мѣшали устарѣвшія политическія формы и немалозначительные пережитки крѣпостного строя, но все же отрицать хотя бы индустріальный русскій капитализмъ уже не приходилось.

Оставалась у старыхъ народниковъ одна твердыня — нищая деревня, — и она всецѣло перешла въ наслѣдство эпигонамъ народническаго пошиба. Къ этому времени созрѣваетъ на Западѣ «критическій ревизіонизмъ», черпающій особенно благодарные аргументы изъ сферы аграрныхъ отношеній. Извѣстно, что Бернштейнъ праздновалъ свою побѣду надъ «схемой» Маркса, главнымъ образомъ, ссылаясь на данныя сельско-хозяйственной статистики. Благодаря дружеской поддержкѣ Бернштейна, Давида, Гертца и друг., вопросъ о національной «самобытности» пріобрѣтаетъ у насъ заманчивую мнимо-научную почву самобытности, обособленности земледѣльческой экономики. Все это съ виду какъ будто и ново, но—по существу—«das ist eine alte Geschichte»...

Помимо этого, вполнѣ понятнаго желанія «быть дѣлателемъ своей исторіи», плохую службу при постановкѣ аграрной проблемы сослужило неправильное пониманіе и невдумчивое, шаблонное толкованіе нѣкоторыхъ важныхъ положеній и терминовъ ученія Маркса. Для насъ пока достаточно будетъ указать на два такихъ примѣра. Въ виду того, что и ревизіонисты, и нео-народники отрицаютъ процессъ концентраціи производства въ земледѣліи, интересно выяснить эту идею, положенную Марксомъ въ основаніе его ученія о капиталистическомъ развитіи. Не забудемъ, что Каутскій по этому поводу сдѣлалъ весьма внушительное замѣчаніе: «содержаніе Марксовой теоріи капиталистическаго производства не исчерпывается сведеніемъ этой формы производства къ формулѣ: «вытѣсненіе мелкаго производства крупнымъ», такъ что каждый, кто знаетъ наизусть эту формулу, имѣетъ въ карманѣ ключъ ко всей новѣйшей экономіи». Если бы ученіе Маркса дѣйствительно исчерпывалась бы этой формулой, то мы имѣли бы много основаній усумниться въ его правильности. Но — какъ мы увидимъ далѣе—ученіе о концентраціи производства гораздо шире установившагося въ широкихъ слояхъ читающей публики узкаго толкованія.

Другимъ яркимъ примѣромъ злоупотребленія терминологіей марксизма является понятіе «пролетаризаціи», самымъ безцеремоннымъ образомъ смѣшиваемое съ терминомъ «пауперизаціи». Въ виду того, что въ исторіи нерѣдко оба процесса шли рядомъ, дѣлали заключеніе о ихъ идентичности. Отсюда, конечно, получался интересный выводъ, что марксисты, считая желательнымъ скорое и безпрепятственное развитіе капитализма въ деревнѣ, тѣмъ самымъ являются сторонниками крестьянскаго обнищанія.

Выясненію этихъ положеній посвящена слѣдующая глава. Намъ она кажется необходимой для правильнаго пониманія капитализма вообще и аграрнаго въ частности.

II.

Седьмой отдѣлъ 24-ой главы перваго тома «Капитала», озаглавленный: «историческая тенденція капиталистическаго накопленія», выясняетъ совершающійся хозяйственный про-

цессъ въ такихъ отчетливыхъ выраженіяхъ, что, повидимому, двухъ мнѣній по этому поводу быть не можетъ. Капиталъ началъ свою историческую миссію колоніальнымъ грабежомъ, рабствомъ и грубой, насильственной экспропріаціей крестьянства, выбросившей на рынокъ свободнаго отъ орудій производства рабочаго-пролетарія. Капиталъ выполнилъ ту задачу, которая подсказывалась ему необходимостью эволюціи производительныхъ силъ хозяйства. Частная собственность работника на средства производства предполагаетъ господство мелкаго ремесла и земледѣлія, въ рамкахъ которыхъ нѣтъ мѣста широкой кооперації, надлежащаго раздѣленія труда, свободнаго развитія производительныхъ силъ. Капиталистическое хозяйство, превращая мелкаго самостоятельнаго производителя въ наемнаго рабочаго, удаляя его изъ собственной мастерской и вливая массы труда на грандіозные фабрики и заводы, организуетъ и расширяетъ хозяйственную кооперацію, дѣлаетъ производство экономическихъ благъ все болѣе и болѣе общественнымъ. Чѣмъ больше хозяйство страны капитализируется, тѣмъ труднѣе становится мелкому производителю конкуррировать съ крупнымъ: онъ постепенно оставляетъ одну позицію за другой въ рукахъ врага. «Лишь только этотъ процессъ превращенія достаточно разложилъ старое общество и въ глубину, и въ ширину; лишь только работающіе превращены въ наемныхъ рабочихъ, а ихъ условія труда — въ капиталъ; лишь только капиталистическій способъ производства сталъ на ноги,—дальнѣйшее обобществленіе труда и дальнѣйшее превращеніе земли и другихъ средствъ производства въ общественно-эксплоатируемыя, т.-е. въ общія средства производства, а, слѣдовательно, и дальнѣйшая экспропріація частныхъ собственниковъ получаетъ новую форму. Теперь надо экспропріировать уже не самостоятельнаго рабочаго, а капиталиста, эксплоатирующаго многихъ рабочихъ. Эта экспропріація совершается въ силу законовъ, присущихъ самому капиталистическому производству, путемъ централизаціи капиталовъ. Одинъ капиталистъ побиваетъ многихъ другихъ. Рука объ руку съ этой централизаціей, или съ экспропріаціей многихъ капиталистовъ немногими все въ болѣе и болѣе крупныхъ размѣрахъ, развивается коопе-

ративная форма процесса труда, развивается сознательное технологическое примѣненіе науки, планомѣрно-кооперативная эксплоатація земли»...

Читая эту цитату, можно подумать, что Марксъ о процессѣ концентраціи капиталовъ не сказалъ ничего новаго сравнительно съ Луи Бланомъ, который еще въ 40-хъ годахъ указывалъ на гибельное вліяніе и для буржуазнаго класса режима свободной конкурренціи. Это впечатлѣніе еще болѣе упрочивается извѣстнымъ всякому концомъ вышеприведенной цитаты: «съ безпрестаннымъ уменьшеніемъ числа магнатовъ капитала, узурпирующихъ всѣ выгоды этого процесса превращенія, возрастаетъ масса нищеты, гнета, порабощенія, приниженія, эксплоатаціи»... «Концентрація средствъ производства и обобществленіе труда достигаютъ такой высоты, что они становятся несовмѣстимыми съ капиталистической оболочкой. Она разрывается. Пробиваетъ часъ капиталистической, частной собственности. Экспропріаторы экспропріируются». И эта послѣдняя экспропріація будетъ гораздо легче первой, ибо, по мнѣнію Маркса, «магнатовъ» капитала останется не такъ много.

Абстрактная формулировка основной тенденціи капитализма сдѣлала свое дѣло. Бернштейнъ обрушился именно на эту схему со всѣмъ своимъ запасомъ знаній, почерпнутыхъ изъ трудовъ многочисленныхъ нѣмецкихъ профессоровъ. Если число магнатовъ капитала уменьшается, — слѣдовательно, концентрація предполагаетъ уменьшеніе количества собственниковъ вообще, «имущихъ»—по терминологіи Бернштейна. А этого на самомъ дѣлѣ — нѣтъ. Если концентрируются средства производства, значитъ—послѣднее становится все болѣе и болѣе крупнымъ: область земледѣлія не подтверждаетъ подобной тенденціи.

Возникаетъ, однако, въ высшей степени серьезный вопросъ, что надо разумѣть подъ концентраціей производства и капиталовъ; допускаетъ ли этотъ процессъ какое-либо одностороннее толкованіе, или его надо понимать широко?

Въ силу цѣлаго ряда обстоятельствъ Марксъ не могъ разлагать своихъ обобщеній: ему надо было, создавая научный соціализмъ, выставить извѣстныя начала, наиболѣе рѣзко формулирующія его мысли. И, тѣмъ не менѣе, упре-

кать его въ односторонности не приходится. Накопленіе капиталовъ, говоритъ онъ, совершается путемъ ихъ концентраціи и централизаціи. Прежде всего, каждый индивидуальный капиталъ растетъ по мѣрѣ накопленія и способствуетъ все большей концентраціи богатствъ, функціонирующихъ ради полученія прибавочной цѣнности въ рукахъ отдѣльнаго предпринимателя. Такая концентрація средствъ производства предполагаетъ ростъ индивидуальныхъ капиталовъ. «Увеличеніе общественнаго капитала проявляется въ ростѣ многихъ индивидуальныхъ капиталовъ», читаемъ мы у Маркса [1]). Этому процессу не мѣшаетъ, а воспособляетъ дробленіе капиталовъ, напр. благодаря наслѣдованію и пр. «Накопленіе и сопровождающая ее концентрація не только расщеплены на много пунктовъ, но ростъ функціонирующихъ капиталовъ перекрещивается образованіемъ новыхъ и распаденіемъ старыхъ капиталовъ» [2]). Но этому процессу «отталкиванія» противодѣйствуетъ процессъ «притяженія» капиталовъ: это—«концентрація уже образовавшихся капиталовъ, уничтоженіе ихъ индивидуальной самостоятельности, экспропріація капиталиста капиталистомъ, превращеніе многихъ небольшихъ капиталовъ въ меньшее количество большихъ» [3]). Этотъ видъ концентраціи Марксъ называетъ централизаціей. Грубая форма ея—побѣда надъ конкуррентомъ, кончающаяся гибелью послѣдняго и переходомъ части его имущества къ побѣдителю. Но жизнь выработала и другія формы централизаціи—кредитъ: эта «новая сила» народнаго хозяйства невидимыми нитями стягиваетъ въ руки немногихъ предпринимателей громадную массу денежныхъ рессурсовъ страны. «По мѣрѣ развитія капиталистическаго производства и накопленія,—въ той же мѣрѣ развивается конкурренція и кредитъ, два могущественнѣйшихъ рычага централизаціи» [4]).

Эта централизація завершаетъ собою процессъ аккумуляціи: благодаря ея дѣйствію въ рукахъ крупныхъ финансистовъ скопляются небывалыя суммы. Образуется въ организмѣ хозяйства небольшое количество центровъ, обладаю-

---

[1]) «Das Kapital», I B. 4-te Aufl. s. 589.

[2]) [3]) [4]) Ibid., s. 590, 591.

щее—при этомъ—тенденціей къ уменьшенію, связывающихъ и регулирующихъ дѣятельность производительныхъ силъ.

Приведеннаго достаточно, чтобы понять истинный смыслъ марксовой теоріи концентраціи. Рѣчь идетъ о глубокомъ общественно-экономическомъ процессѣ, не укладывающемся въ узкія рамки чисто юридическаго или техническаго толкованія. Дѣйствительно, вульгарное представленіе концентраціи капиталовъ заключается въ слѣдующемъ: благодаря конкурренціи, крупные капиталисты побиваютъ мелкихъ, и потому становится все меньше и меньше юридическихъ владѣльцевъ капитала; въ результатѣ капиталистической эволюціи останется небольшое количество собственниковъ, подлежащихъ легкой экспропріаціи. При такомъ, если можно выразиться, грубо юридическомъ, а не экономическомъ толкованіи идеи концентраціи—теоретическая концепція, конечно, будетъ расходиться съ жизнью. Внѣ всякаго сомнѣнія — количество капиталовъ растетъ; чѣмъ глубже въ хозяйственную жизнь проникаетъ процессъ эксплоатаціи труда, тѣмъ больше возникаетъ индувидуальныхъ капиталовъ. Распаденіе натуральныхъ «устоевъ» обозначаетъ увеличеніе числа получателей нетрудового дохода. Но это именно и предусматривалъ Марксъ, такъ что ему самому навязывать узкаго толкованія не приходится.

Въ тѣсной связи съ юридическимъ пониманіемъ концентраціи находится техническое. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, усматриваютъ концентрацію производства только тамъ, гдѣ вмѣсто мелкихъ предпріятій основываются крупныя. Несомнѣнно, подобное выраженіе концентраціи является наиболѣе яркимъ и, съ точки зрѣнія развитія производительныхъ силъ страны, подготовленія будущаго хозяйственнаго строя, наиболѣе благопріятнымъ. Но, опять-таки, техническая концентрація не покрываетъ собою экономической. Каутскій говоритъ по этому поводу: «техническая концентрація есть лишь одна изъ формъ экономической концентраціи, хотя и самая важная и совершенная форма ея» [1]).

---

[1]) Каутскій: «Сборникъ статей», изд. 2. Спб. 1906, стр. 56. Перев. подъ ред. Ленина.

Установимъ свою точку зрѣнія на концентрацію производства и капиталовъ, точку зрѣнія, на нашъ взглядъ, вполнѣ согласную съ ученіемъ Маркса. По мѣрѣ развитія капитализма—производство и обмѣнъ все болѣе и болѣе обобществляется, распоряженіе, эксплоатація производительныхъ силъ все болѣе централизируется; индивидуальные капиталы, непрерывно растущіе въ своемъ количествѣ, перестаютъ жить самостоятельной жизнью, вливаются въ общій резервуаръ и оттуда растекаются по указаніямъ и ордерамъ извѣстныхъ центровъ, число которыхъ дѣйствительно уменьшается. Связь между отдѣльными экономическими единицами все болѣе крѣпнетъ. Рынки изъ мѣстныхъ становятся національными и постепенно вырабатывается высшая централизованная система обмѣна—съ міровымъ рынкомъ во главѣ. Только на первыхъ порахъ капиталистической эволюціи капиталъ поглощаетъ другой капиталъ грубымъ образомъ—посредствомъ «пожиранія»; теперь централизація сказывается, главнымъ образомъ, въ собираніи отовсюду матеріальныхъ рессурсовъ, въ устраненіи ненужной и вредной для дѣла накопленія конкурренціи—путемъ непосредственнаго и косвеннаго подчиненія мелкихъ капиталовъ крупнымъ. Яркимъ примѣромъ такого рода концентраціи служитъ излюбленная нынѣ форма предпріятій—акціонерная компанія. Вѣдь всякое акціонерное общество въ юридическомъ отношеніи представляетъ собою сумму неконкуррирующихъ капиталистовъ-собственниковъ; такая форма хозяйственнаго предпріятія, очевидно, способствуетъ увеличенію, а не уменьшенію послѣднихъ. Бернштейнъ приводитъ разительные, по его мнѣнію, примѣры громаднаго количества мелкихъ пайщиковъ въ крупнѣйшихъ предпріятіяхъ: напр. по прорытію и эксплоатаціи Манчестерскаго канала—40.000, въ предпр. T. Lipton—74.262 и т. п. Однако, Бернштейнъ основываетъ на этихъ данныхъ доказательство отсутствія не концентраціи производства, а доходовъ; вѣдь даже для него было ясно, что экономическая сущность акціонерныхъ компаній—въ собираніи, концентрированіи капиталовъ. Слѣдовательно, если въ данномъ случаѣ и происходитъ увеличеніе число капиталистовъ, то «бездѣятельныхъ», повинующихся указаніямъ

свыше. Точно также наивны ссылки Бернштейна на увеличеніе числа пайщиковъ и вкладчиковъ въ сберегательныя кассы: вѣдь всякое лицо, даже дворникъ и кухарка, помѣщающіе свои ничтожныя сбереженія въ кредитное учрежденіе, безсознательно способствуютъ увеличенію мощи капитала. Банки во всѣхъ ихъ видахъ служатъ резервуарами, куда стекаются по частямъ мертвые капиталы различныхъ размѣровъ: изъ народныхъ крохъ создаются значительныя суммы, идущія на предметъ эксплоатаціи народнаго труда. Достаточно вспомнить милліардное сокровище русскихъ сберегательныхъ государственныхъ кассъ, которыми поддерживается государственная рента, земельныя и желѣзнодорожныя биржевыя цѣнности. Экономическая концентрація переросла простую юридическую: послѣдняя никогда не можетъ дать такихъ скопленій, какія мы видимъ нынѣ вокругъ себя.

Многіе изъ послѣдователей Маркса выражаютъ сожалѣніе, что великій творецъ «Капитала» не дожилъ до пышнаго расцвѣта трестовъ и синдикатовъ, такъ хорошо иллюстрирующихъ его положеніе о концентраціи. Въ самомъ дѣлѣ, американскіе тресты обладаютъ нынѣ чудовищной суммой—100 милліардовъ фр.; предъ ними падаетъ ницъ и буржуазная наука, и церковь, и власть. Президентъ Макъ-Кинлей, грозившій уничтожить синдикаты, самъ былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ и смирился... И всѣми этими сокровищами распоряжается относительно небольшое количество лицъ (желѣзными дорогами завѣдуютъ, въ послѣднемъ счетѣ, пять человѣкъ). Нужно ли еще болѣе яркое подтвержденіе стремленія капиталовъ къ централизаціи? Однако, попробуйте понимать послѣднюю только юридически—и стройная картина нарушается: вѣдь Морганъ, Рокфеллеръ и др. вовсе не владѣютъ на правахъ частной собственности всѣми тѣми милліардами, которыми они и ихъ сподручники фактически распоряжаются. Опять—и въ этомъ случаѣ на послѣднемъ словѣ капитализма—обнаруживается невозможность втиснуть живые экономическіе факты въ дряхлѣющія рамки отжившаго права. Для Моргана не важно, сохранится ли на рынкѣ одинъ или полмилліона мелкихъ собственниковъ капитала; для него важно, чтобы

они ничего не могли предпринимать по собственному почину, передали распоряженіе своими суммами ему въ руки. Морганъ желаетъ, чтобы всѣ сокровища міра стекались въ его кладовыя; займись онъ простымъ вымогательствомъ и мелкой партизанской войной, его сокровищница мало чѣмъ отличалась бы отъ подваловъ «Скупого рыцаря».

Само собою разумѣется, экономическая концентрація можетъ и нерѣдко сопровождается юридической (вспомнимъ процессъ первоначальнаго накопленія капитала); но эти два процесса могутъ и не быть связаны другъ съ другомъ.

Точно также концентрація производства имѣетъ мѣсто и тамъ, гдѣ отсутствуетъ техническая концентрація: мелкія предпріятія могутъ сдѣлаться простыми филіальными отдѣленіями, конторами крупнаго. Централизованный обмѣнъ можетъ, не мѣняя ничего въ организаціи производства, подчинить своему вліянію тысячи прежде самостоятельныхъ предпріятій. На этомъ мы остановимся ниже, а пока приведемъ авторитетное мнѣніе Каутскаго: «Концентрація капитала имѣетъ мѣсто также и въ томъ случаѣ, когда капиталистъ ставитъ въ экономическую зависимость отъ себя, подчиняетъ себѣ технически-самостоятельныя предпріятія. Напомнимъ, напр., о капиталистической работѣ на дому». Мало того, даже въ индустріи есть извѣстный предѣлъ технической концентраціи: фабрика или заводъ не можетъ разрастаться до безконечности: весьма нерѣдко уже и теперь—крупная фабрика, по существу, представляетъ собою извѣстную сумму меньшихъ.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ весьма важный выводъ: признавая концентрацію капиталовъ и средствъ производства однимъ изъ основныхъ моментовъ капиталистической эволюціи, мы не имѣемъ основанія отрицать наличность послѣдней, если количество собственниковъ въ какой-либо области убываетъ медленно, пребываетъ въ стаціонарномъ состояніи или даже имѣетъ тенденцію къ увеличенію. Чтобы дать себѣ въ такомъ случаѣ ясный отчетъ въ характерѣ совершающагося экономическаго процесса, надо выяснить общественное взаимоотношеніе отдѣльныхъ хозяйствъ, ихъ зависимость отъ рынка, ихъ относительную самостоятельность. Выхватывая отдѣльные признаки хозяйствен-

ной эволюціи, разсматривая ихъ внѣ общей связи, трудно понять сущность экономическихъ тенденцій; а наука вѣдь желаетъ освѣтить цѣликомъ всю изучаемую область. На томъ основаніи, что количество крестьянъ-собственниковъ туго поддается сокращенію, а кое-гдѣ усматриваются даже признаки его увеличенія, нерѣдко дѣлается выводъ, что капитализмъ не можетъ проявиться въ области земледѣлія.

Забываютъ, однако, что, пользуясь тою же аргументаціей, можно оспаривать и капитализированіе индустріи: вѣдь ремесленное производство вовсе не всюду и не во всѣхъ отрасляхъ промышленности замѣнено крупнымъ. По даннымъ Voigt'a «самостоятельные» ремесленники въ Германской имперіи (считая вмѣстѣ съ семьями) въ 1895-мъ году составляли цѣлыхъ 7,6% населенія. Мало того, несмотря на существованіе крупныхъ торговыхъ фирмъ, въ родѣ Werthheim'a, Tietz'a, количество мелкихъ торговыхъ предпріятій непрерывно возрастаетъ: ими снабжается каждая улица, каждый переулокъ. Бернштейнъ обратилъ свое благосклонное вниманіе на это явленіе. Но стоитъ глубже всмотрѣться въ эмпирическія данныя, стоитъ ихъ надлежащимъ образомъ проанализировать, какъ завѣса спадетъ съ нашихъ глазъ: «самостоятельный» ремесленникъ окажется связаннымъ по рукамъ и ногамъ крупнымъ капиталомъ; его мастерская предстанетъ передъ нами въ видѣ пристанища самой возмутительной «Sweating System», жертвами которой являются преимущественно несовершеннолѣтніе. Если взять такія производства, какъ, напр., мебельное, гдѣ, повидимому, могло бы сохраниться ремесло во имя удовлетворенія «индивидуальныхъ вкусовъ», мы замѣчаемъ почти безусловную ихъ зависимость отъ «магазиновъ». Въ Мюнхенѣ, напр., большая часть столяровъ-художниковъ «принуждена была рѣшиться начать работать на магазинъ». Въ крупныхъ центрахъ—Берлинѣ, Парижѣ—мастера, изготовивъ мебель, тщетно развозятъ ее по городу, ища покупателя; кончаютъ тѣмъ, что продаютъ въ большіе мебельные магазины, по цѣнѣ, не удовлетворяющей даже обычной заработной платы. Зомбартъ приводитъ слѣдующія интересныя данныя о положеніи столярнаго ремесла въ Аугсбургѣ: «мастерскія становятся все мельче, способъ работы все экстенсивнѣе, жизнь все труднѣе»... и

прибавляетъ: «словно организмъ, изъ котораго медленно высасываютъ кровь» [1]). Досужій статистикъ, занесши въ свои таблицы происшедшія измѣненія, можетъ съ кажущимся правомъ настаивать на ростѣ мелкихъ предпріятій; экономистъ же обязанъ указать, что этотъ ростъ есть процессъ вырожденія ремесла. Зомбартъ оказался гораздо прозорливѣе Бернштейна и понялъ основной характеръ современнаго ремесла, условія его существованія: «нынѣ ремесло, поскольку оно вообще еще держитъ рабочихъ, основываетъ свою способность къ существованію главнымъ образомъ на эксплоатаціи незрѣлыхъ рабочихъ силъ» [2]). Изъ занятыхъ въ различныхъ ремеслахъ (1895 г., 21 ремесло) почти три седьмыхъ — «неокрѣпшія молодыя силы».

Намъ кажется, что эти примѣры въ высшей степени поучительны, такъ какъ раскрываютъ передъ нами многообразіе процесса капитализированія. Капиталъ, вынужденный въ области крупнаго фабрично-заводскаго производства умѣрять свои эксплоатаціонные аппетиты, подъ давленіемъ фабричнаго законодательства и организованныхъ усилій рабочаго класса, съ большой охотой накидывается на «домашнюю промышленность» и склоненъ даже поддерживать ее ради вящей эксплоатаціи труда: предъ нимъ открывается заманчивая перспектива «потогонной системы», неуязвимой для закона и рабочаго. При такихъ условіяхъ — не радоваться приходится о сохраненіи ремесла, а мечтать о скорѣйшемъ его устраненіи. Весьма возможно, что дальнѣйшее развитіе охраны труда, ея распространеніе (фактическое) и на всѣ ремесленныя мастерскія сдѣлаетъ невозможнымъ существованіе послѣднихъ. Произведши надлежащій анализъ общественно-экономическаго положенія современнаго мелкаго производства, мы можемъ притти къ поразительному на первый взглядъ выводу: ихъ существованіе и даже развитіе доказываетъ побѣду крупнаго капитала, подтверждаетъ правильность марксовой концепціи концентраціи. Мелкое производство является рабомъ круп-

---

[1]) Зомбартъ: «Соврем. Капитализмъ». Русс. пер. М. 1904 г., стр. 624—5.

[2]) Ibid., стр. 579.

наго. Каутскій, крупнѣйшій изъ современныхъ теоретиковъ марксизма, блестяще примѣняющій къ изслѣдованію экономическихъ отношеній методъ Маркса, говоритъ: «Успѣхи крупной промышленности въ одной области—обнаруживаются въ ростѣ мелкаго производства, въ другой—въ переполненіи этой послѣдней; если въ одномъ мѣстѣ мелкія предпріятія погибаютъ отъ конкурренціи съ крупными, то въ другомъ они погибаютъ отъ чрезмѣрной конкурренціи между собой; въ силу этого они попадаютъ все въ большую зависимость отъ капитала, вынуждаются все къ большей спеціализаціи работъ и приготовляютъ, такимъ образомъ, почву для крупнаго производства, которое рано или поздно водворится и въ этой области [1]).

Такую же неутѣшительную для мелкаго предпринимателя картину представляетъ область торговли. Процессъ централизаціи захватилъ въ свои руки и розничную продажу: въ крупныхъ центрахъ вы можете вещь любой цѣны купить въ громадномъ «товарномъ домѣ», не рискуя быть обсчитанными или обманутыми въ качествѣ продукта. И несмотря на ихъ существованіе, количество мелкихъ торговыхъ предпріятій растетъ. Опять статистика, повидимому, опровергаетъ схему концентраціи; но рабская вѣра въ цифры обнаруживаетъ въ ихъ поклонникахъ гораздо большую наклонность къ схематизму, чѣмъ въ такъ называемыхъ «ортодоксахъ». Заглянемъ въ мелкія торговыя заведенія—и что же мы увидимъ? «Самостоятельный» мелкій торговецъ окажется простымъ подневольнымъ дебиторомъ крупныхъ фирмъ, высасывающихъ денежную энергію изъ самыхъ отдаленныхъ закоулковъ народнаго хозяйства; мелкій торгашъ предстанетъ передъ нами въ качествѣ піонера того самаго капитализма, разрушать который его призываетъ Бернштейнъ и К°. Крупные торговцы снабжаютъ мелкаго кредитомъ денежнымъ и товарнымъ, они ему приказываютъ продавать по той или другой цѣнѣ тѣ или иные товары; онъ связанъ по рукамъ и ногамъ — и считать его самостоятельнымъ агентомъ экономики можно только при крайне невдумчивомъ отношеніи къ жизни.

---

[1]) Каутскій: «Сборникъ статей», стр. 51.

Все несчастіе происходитъ отъ того, что нерѣдко люди, именующіе себя экономистами, слабо понимаютъ смыслъ общественно-экономической точки зрѣнія: они или вторгаются въ область чисто техническую, или дѣлаютъ экскурсіи въ область права. Оттого-то у нихъ всякій юридическій владѣлецъ капитала представляетъ самостоятельную экономическую единицу, оттого у нихъ работаютъ «стальныя мышцы» машинъ, природа въ сельско-хозяйственномъ производствѣ трудится больше, чѣмъ въ индустріи. «Экономисты» забываютъ, что хозяйство во всякомъ видѣ есть трудъ людей и только трудъ, успѣшность котораго обусловливается цѣлымъ рядомъ причинъ.

Съ толкованіемъ термина «пролетаризація», какъ мы выше указали, дѣло обстояло такъ же неблагополучно. Смѣшивая этотъ процессъ съ пауперизаціей, въ марксистахъ видѣли сторонниковъ деревенской нищеты. Какъ будто бы пауперизмъ можетъ быть желательнымъ съ точки зрѣнія какой бы то ни было прогрессивной партіи! Вѣдь обнищаніе весьма легко можетъ повлечь за собою одичаніе жителей, разложеніе, а не созиданіе общественнаго организма. Чѣмъ дальше развивается процессъ капитализированія, тѣмъ больше пролетаризація разрываетъ съ пауперизаціей, благодаря росту классового самосознанія пролетаріата, его умѣнью отстаивать свои интересы.

Въ Англіи въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. самостоятельный мелкій производитель, переходя въ разрядъ пролетаріевъ, шелъ отъ нищеты къ нищетѣ; въ концѣ XIX в. люди бѣгутъ изъ «карликовыхъ» хозяйствъ, чтобы смѣнить нищенское состояніе на болѣе достойное человѣка. Хорошо извѣстна и оффиціальными документами засвидѣтельствована та низкая ступень потребленія и невѣроятно высокая—истощенія, которая царитъ въ мелкихъ «крестьянскихъ хозяйствахъ» почти повсюду. Классическимъ можно считать отвѣтъ одного мелкаго фермера (въ Кумберлэндѣ) членамъ парламентской комиссіи 1897 г.: «Я вырастилъ семью и потерялъ ее. Мои дѣти сказали: Отецъ, мы не хотимъ оставаться здѣсь и замучиться до смерти. Они ушли на фабрики и оставили меня съ женою на произволъ

судьбы» [1]). А ушли они потому, что каждый изъ нихъ работалъ за двоихъ, а ѣлъ меньше, чѣмъ за одного.

Кто внимательно присматривался къ условіямъ жизни русской деревни, тотъ не могъ, вѣроятно, не замѣтить аналогичныхъ явленій: «хозяйственные» мужики, грудью отстаивающіе свою экономическую самостоятельность, сплошь да рядомъ питаются хуже сельскохозяйственныхъ батраковъ. Дѣти ихъ нерѣдко идутъ въ работники потому, что въ экономіи «харчи—лучше, чѣмъ дома». Мы прекрасно знаемъ, что въ 90 случаяхъ на 100 эти харчи—крайне неудовлетворительны, но, очевидно, въ рамкахъ самостоятельнаго «трудового» хозяйства пищевыя потребности удовлетворяются еще хуже. Собственный клочокъ земли, собственная мастерская весьма часто оказываются одной изъ коренныхъ причинъ развитія пауперизма, одной изъ главныхъ основъ для безчеловѣчной эксплоатаціи «хозяина» и его присныхъ. И, можетъ быть, для такого самостоятельнаго производителя экономически будетъ выгоднѣе отказаться отъ своей мнимой самостоятельности и сдѣлаться простымъ наемникомъ—пролетаріемъ.

Въ связи съ неправильнымъ толкованіемъ понятія пролетаризаціи стоитъ и пресловутое «притупленіе классового антагонизма», побѣдоносное опроверженіе «теоріи обнищанія» и пр. Статистика, безъ сомнѣнія, показываетъ, что во вторую половину XIX в. во многихъ отрасляхъ промышленности и въ различныхъ странахъ произошло увеличеніе заработной платы: рабочій, если не en masse, то въ значительныхъ своихъ группахъ сталъ ѣсть сытнѣе и лучше одѣваться. По этому поводу весьма резонно замѣчаетъ Бебель: «Само собою разумѣется, разъ вся нація становится богаче, то и рабочій получаетъ свою часть, и именно изъ возрастающаго богатства націи, изъ возрастающей производительности труда мы выводимъ возможность для всѣхъ быть зажиточными»... [2]). Но слѣдуетъ ли

---

[1]) Каутскій: «Аграрный вопросъ». Русс. пер. Харьковъ, 1899 г., стр. 125.

[2]) Бебель: «Рѣчь о Бернштейнѣ». Русс. пер. Одесса, 1905 г., стр. 28.

отсюда, что болѣе сытый рабочій долженъ забыть объ особой своей соціальной позиціи; не есть ли достиженіе имъ большей сытости результатъ организованной борьбы съ предпринимателями? И если да (исторія даетъ въ этомъ случаѣ утвердительный отвѣтъ), то неужели ростъ потребностей у рабочей массы пріостановится и ей уже не за что больше бороться? Сытый и хорошо одѣтый пролетарій въ соціальномъ отношеніи остается тѣмъ же пролетаріемъ, классовые интересы котораго непримиримы и несовмѣстимы съ интересами буржуазіи. «Право на трудъ» и «право на нормальное существованіе», историческіе лозунги рабочаго движенія, не могутъ быть реализованы въ рамкахъ современнаго хозяйственнаго строя. Въ моменты остраго кризиса и обуржуазившійся мастеръ, членъ «дѣлового» трэдъ-юніона, почувствуетъ шаткость, необезпеченность своей позиціи.

Сдѣланныя нами въ этой главѣ замѣчанія методологическаго характера имѣютъ цѣлью указать на нѣкоторыя главныя причины, обусловливающія трудность разсмотрѣнія аграрной проблемы. Къ этому еще надо прибавить недостаточность и несовершенство статистическихъ данныхъ, представляющихъ эмпирическій матеріалъ для анализа. Въ особенности это имѣетъ мѣсто по отношенію къ Россіи. Трудность объективнаго разсмотрѣнія вопроса, само собою разумѣется, усугубляется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что мы не можемъ ограничиваться ролью зрителя, а должны принимать то или иное участіе въ общественно-политической жизни; трудность эта, впрочемъ, свойственна всякой соціальной дисциплинѣ. Но какъ ни трудно дѣлать «соціальные прогнозы»—вѣдь главнымъ образомъ ради нихъ и штудируется обществовѣдѣніе,—успѣхъ той или другой «догмы» обусловливается вѣрностью предугадыванія будущаго. Такое предугадываніе не имѣетъ ничего общаго съ даромъ «пророческаго предвидѣнія» (эту способность надо всецѣло предоставить въ распоряженіе г.г. идеалистовъ), а носитъ характеръ научной гипотезы.

Марксъ въ своихъ трудахъ развернулъ передъ нами геніальную общественно-экономическую концепцію, проникнутую единой точкой зрѣнія. Съ помощью глубокаго анализа капиталистическихъ отношеній онъ сумѣлъ вскрыть

основныя пружины современной стадіи народнаго хозяйства. «Схема» «Капитала» эмпирическимъ своимъ основаніемъ имѣетъ англійское хозяйство опредѣленнаго періода; въ виду этого можетъ случиться, что детали схемы не найдутъ себѣ оправданія во всякомъ мѣстѣ и во всякое время. Къ этому еще слѣдуетъ добавить, что въ силу тѣхъ или другихъ условій нѣкоторыя положенія ученія Маркса были имъ формулированы съ недостаточною ясностью или, по крайней мѣрѣ, съ недостаточною подробностью, такъ что критически настроенные ученики могли въ этомъ отношеніи давать полную волю своей фантазіи. Вспомнимъ пресловутую бернштейновскую «теорію крушенія». Но основные моменты ученія остаются незыблемыми, находятъ для себя все большее и большее оправданіе по мѣрѣ развитія хозяйственныхъ отношеній; марксизмъ даетъ въ руки ту путеводную нить, съ помощью которой мы можемъ выбраться изъ лабиринта эмпирическаго многообразія и запутанности. Только марксизмъ сообщаетъ соціализму строго-научный характеръ; нужды нѣтъ, что онъ ниспровергаетъ обладающія удивительною живучестью соціалистическія утопіи—въ этомъ р е а л и с т и ч н о с т ь марксистскаго ученія. Предоставимъ поэтамъ утверждать, что «тьмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ» — наука не допускаетъ лжи.

Въ заключеніе будетъ указано, почему партія, программа дѣйствій которой опредѣляется ученіемъ Маркса, не можетъ р у к о в о д и т ь развившимся въ Россіи крестьянскимъ движеніемъ — она можетъ только оказывать изъ опредѣленныхъ соображеній поддержку тѣмъ или другимъ требованіямъ деревни. Вслѣдствіе этого, какъ бы странно ни звучало въ настоящій острый моментъ такое положеніе, партія, выражающая интересы пролетаріата, не нуждается въ развитіи особой аграрной программы; поскольку въ деревнѣ имѣется пролетаріатъ, его нужды укладываются въ обще-партійную программу. Особое положеніе деревенскаго батрака можетъ вызвать только прибавленіе тѣхъ или другихъ деталей къ общей платформѣ; но ни на одно мгновеніе, даже ради достиженія какого-либо политическаго эффекта, марксистъ не можетъ покидать классовой точки

зрѣнія. Онъ не можетъ задаваться цѣлью устроенія мелкихъ собственниковъ или арендаторовъ; ему только придется—разъ извѣстнымъ образомъ сложились историческія условія—согласиться на такой способъ устраненія пауперизма. Марксистъ знаетъ, что «соціальный миръ» можетъ быть установленъ лишь соціалистическимъ строемъ; для осуществленія послѣдняго нуженъ цѣлый рядъ объективныхъ предпосылокъ, отсутствіе которыхъ вообще и въ деревнѣ въ особенности приходится констатировать. Нѣтъ ничего опаснѣе для партіи, какъ въ идейномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи—давать несбыточныя обѣщанія, вторгаться во имя привлеченія малоцѣнныхъ адептовъ въ чуждыя ей области.

Всѣмъ вышеуказаннымъ опредѣляется характеръ настоящей работы. Мы отнюдь не собираемся разрѣшать аграрный вопросъ и выдвигать какую-либо платформу. Послѣдняя у марксиста можетъ быть лишь одна — соціализмъ. Но является въ высокой мѣрѣ интереснымъ учесть различныя равнодѣйствующія аграрнаго движенія, попытаться предугадать возможные его результаты, отмѣтить моменты, нуждающіеся и заслуживающіе поддержки сторонниковъ марксистскаго міросозерцанія. Самое важное для нихъ, какъ намъ кажется, уяснить себѣ въ достаточной степени совершающееся. Реалистическая постановка вопроса лучше самой задорной полемики разобьетъ такіе миражи, такія несбыточныя утопіи (притомъ и вредныя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ), какъ націонализація или соціализація земли.

III.

Доказывать теперь, что русское хозяйство капитализируется, въ значительной мѣрѣ, значитъ ломиться въ открытую дверь. Однако, въ виду нѣкоторой неясности термина «капитализмъ», въ виду установившагося въ нѣкоторыхъ кругахъ мнѣнія, что земледѣліе развивается по какимъ-то особымъ законамъ, не мѣшаетъ еще разъ въ общихъ чертахъ пересмотрѣть эту проблему.

Итакъ, что такое капитализмъ? Эта стадія хозяйственной жизни должна быть понята нами въ двухъ своихъ главнѣйшихъ проявленіяхъ: со стороны взаимоотношенія частныхъ хозяйствъ между собою и съ точки зрѣнія вы-

зываемой имъ группировки общественныхъ классовъ. Капиталистическое хозяйство прежде всего есть товарное; обмѣнъ, мѣновой оборотъ—главный жизненный нервъ капиталистической экономики. Именно въ этомъ смыслѣ Марксъ говоритъ въ началѣ своей «Критики нѣкоторыхъ положеній политической экономіи»: «На первый взглядъ богатство буржуазнаго общества является какъ громадное скопленіе товаровъ; отдѣльный товаръ представляетъ его элементарную форму». Натуральное хозяйство, принадлежность патріархальной экономики, характеризующееся замкнутостью отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ, постепенно, черезъ стадію городского хозяйства (непосредственнаго обмѣна), превращается въ свою полную противоположность. Случайные рынки, затѣмъ—мѣстные, въ процессѣ историческаго развитія, превращаются въ національные; наконецъ, выдвигается въ качествѣ регулятора мѣновыхъ отношеній—міровой рынокъ. Но не мирное, «эволюціонное» развитіе хозяйственныхъ отношеній превратило «разсыпанную храмину экономики» въ цѣлостный организмъ: первоначальное накопленіе капитала носитъ чисто революціонный характеръ: грабежъ колоній, экспропріація крестьянства—два момента, не укладывающіеся въ «мирную» схему. Скопленный въ частныхъ рукахъ капиталъ мощно пробиваетъ бреши въ патріархальномъ строѣ: онъ разрушаетъ средневѣковые цеховые устои, изъ самостоятельнаго ремесленничества дѣлаетъ «домашнюю промышленность». Со времени появленія скупщиковъ кустарныхъ и ремесленныхъ издѣлій начинается новая эра въ экономикѣ. Раздробленное производство обобществляется—въ широкомъ (а не только техническомъ) смыслѣ этого слова. Буржуазія сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ распоряженіе «богатствами страны»; орудія производства—юридически и (главное) фактически—оказываются въ ея владѣніи; растетъ безземельный, лишенный всякихъ средствъ производства, пролетаріатъ. Мелкій производитель, какъ самостоятельный агентъ въ товарномъ обмѣнѣ, теряетъ всякое значеніе. Если ему и удается отстоять свое эфемерное существованіе,—а это становится все болѣе и болѣе труднымъ, благодаря развитію техники,—то въ счетъ низкаго потребленія, эксплоатаціи домашнихъ,

въ счетъ незамѣтнаго на первый взглядъ, но еще болѣе тягостнаго подчиненія капиталу. Разъ страна такъ или иначе вдвинута въ международный мѣновой оборотъ, товарный обмѣнъ регулируется условіями мірового рынка: товарная и денежная биржа даетъ свои ордеры и приказанія. Имъ подчиняется—volens-nolens—всякое лицо, прикосновенное къ рынку.

Чистый, идеальный типъ капиталистической экономики предполагаетъ два, стоящіе другъ противъ друга, класса: предпринимательскій—буржуазный и наемный—пролетарскій. Къ такому типу ближе всего подходитъ Англія. Въ другихъ странахъ, особенно еще недавно вышедшихъ изъ полупатріархальнаго состоянія, много пережитковъ стараго, затемняющихъ основную тенденцію. Сословный строй, на извѣстныхъ ступеняхъ хозяйственнаго развитія неограниченная монархическая власть—могучіе тормозы экономическаго развитія. Землевладѣніе на континентѣ Европы имѣло исторію, отличающуюся отъ англійской: во Франціи революція 1789 г. сильно укрѣпила позицію мелкаго собственника-крестьянина. Въ Германіи паденіе крѣпостного права, хотя и очень дорого обошлось населенію, но не сопровождалось его полнымъ обезземеленіемъ. То же надо сказать и о Россіи. Такъ какъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ легче и удобнѣе сохраняется сфера работъ, разсчитанныхъ на удовлетвореніе собственныхъ потребностей, то капиталу, съ одной стороны, труднѣе въ области земледѣлія расшатать натуральные устои, съ другой—фанатизмъ собственника пускаетъ болѣе глубокіе корни въ крестьянскую психику. Крестьянинъ цѣпко держится за свой участокъ земли, хотя бы ему пришлось во имя удержанія его за собой круглый годъ питаться мякиной и хлѣбомъ, испеченнымъ изъ муки съ дубовой корой. Уровень потребностей остается крайне низкимъ, культура съ удивительнымъ трудомъ проникаетъ въ деревенскую сферу. Но какъ ни старается такой мелкій собственникъ замкнуться въ чисто натуральныя рамки, помимо другихъ факторовъ есть одна сила, безпощадно вталкивающая его въ мѣновой круговоротъ: правительство со своимъ денежнымъ бюджетомъ. Помимо всего прочаго, крестьянинъ долженъ продавать свои издѣлія ради уплаты денежныхъ по-

датей. Рынокъ захватываетъ крестьянскій трудъ; деньги нарушаютъ печальную идиллію крестьянской самостоятельности. Приходится приноравливаться къ капризному настроенію этого рынка, мѣнять культуру, интенсифицировать производство—все это вызываетъ займы, ростовщическую кабалу, фактическое господство владѣльцевъ капитала надъ «самостоятельнымъ» мелкимъ собственникомъ. Капиталъ при этомъ вовсе не нуждается непремѣнно въ потерѣ крестьяниномъ юридическаго обладанія своимъ участкомъ—таковое можетъ быть сохранено за нимъ, иногда это даже выгодно для фактическаго господина: мнимый собственникъ лучше наемника затрачиваетъ свой трудъ на обработку земли.

Система эксплоатаціи можетъ при такихъ условіяхъ стоять внѣ закона и дать блестящіе для капиталиста результаты. Мало того, въ виду бѣгства значительной части подрастающаго деревенскаго населенія отъ нищеты въ города, крупнымъ экономіямъ приходится нерѣдко серьезно задумываться надъ обезпеченіемъ себя рабочей силой. При такихъ условіяхъ сохраненіе и даже надѣленіе парцеллой работника является лучшимъ средствомъ его закабаленія. Чтобы удержать крестьянина въ деревнѣ, надо поддерживать его собственническіе инстинкты, дать ему жалкій клочекъ земли, недостаточный для прокормленія крестьянской семьи: индивидуалистическая психика будетъ подогрѣта, «власть земли» скажется для помѣщика въ видѣ прикрѣпленія крестьянина къ данному селу или хутору. Русскіе дворяне довольно хорошо это понимали, прилагая всѣ заботы къ тому, чтобы «свободный мужикъ» во время эмансипаціи не получилъ всей земли, находившейся подъ его запашками при крѣпостномъ правѣ: этимъ способомъ помѣщичьи экономіи получали возможность обезпечить себя дешевой рабочей силой.

Поистинѣ классическимъ можно считать слѣдующее разсужденіе извѣстнаго нѣмецкаго экономиста v. d. Goltz'a въ пользу сохраненія крестьянской собственности: «Крупный землевладѣлецъ получаетъ наибольшій валовой и чистый доходъ тамъ, гдѣ имѣетъ вокругъ себя въ большемъ количествѣ мелкихъ и среднихъ землевладѣльцевъ, которые

снабжаютъ его рабочей силой и представляютъ вѣрныхъ покупателей произведенныхъ имъ въ избыткѣ продуктовъ»[1]). Не правда ли, довольно откровенно? Опять-таки, мы съ особеннымъ удареніемъ подчеркиваемъ, что распутать сѣть общественно-экономическихъ отношеній нельзя съ помощью однѣхъ статистическихъ датъ: сухія цифры могутъ говорить о побѣдѣ мелкаго производства надъ крупнымъ тамъ, гдѣ его расширеніе можетъ свидѣтельствовать лишь о преуспѣяніи крупныхъ экономій. Тотъ же Гольцъ, анализируя законъ 91 г. о рентныхъ имѣніяхъ, дѣлаетъ слѣдующее милое замѣчаніе: «... остается совершенно внѣ предѣловъ разсматриваемаго закона водвореніе въ деревняхъ многочисленнаго класса сельскихъ рабочихъ, что представляется не менѣе важнымъ, чѣмъ обогащеніе государства собственно новыми землевладѣльцами-крестьянами, ведущими самостоятельное хозяйство (курсивъ нашъ). Другими словами, необходимо организовать извѣстную систему поселенія и осѣдлости и для сельско-хозяйственныхъ рабочихъ; хотя въ указанномъ случаѣ рѣчь будетъ итти, въ сущности, также о правильномъ распредѣленіи земельной собственности, но главной цѣлью при этомъ должно являться восполненіе такъ сильно чувствуемаго нынѣ недостатка въ рабочихъ рукахъ въ деревнѣ и устраненіе главной причины ихъ ухода и эмигрированія»[2]). Не ясно ли для читателя, что подобное «правильное распредѣленіе земельной собственности» для сельскихъ рабочихъ есть «даръ Данайцевъ», что это—новая, хитроумная комбинація крѣпостного права? Апологетъ помѣщичьяго землевладѣнія является въ одно и то же время ходатаемъ за мелкое сельско-хозяйственное производство—потому что при извѣстныхъ условіяхъ послѣднее нужно первому. Съ такимъ же основаніемъ крупный фабрикантъ будетъ бороться за мелкое ремесло, а наивные экономисты народническаго и ревизіонистскаго пошиба станутъ поддерживать его «благородныя» рѣчи и заявлять о необходимости сойти съ классовой точки зрѣнія.

---

[1]) Цитировано по Каутскому: «Аграрный вопросъ», стр. 188.

[2]) Т. Гольцъ: «Аграрный вопросъ и аграрная политика», пер. съ нѣм. Спб., 1902 г., стр. 135.

Въ извѣстномъ романѣ Поленца, знакомомъ нашей читающей публикѣ, представлена печальная картина разоряющагося крѣпкаго крестьянскаго двора. Въ результатѣ свершившагося процесса экспропріаціи—крестьянинъ оставляется сторожемъ на своей бывшей землѣ, ибо, по совершенно основательному заключенію новыхъ владѣльцевъ, онъ лучше другихъ охранитъ ихъ собственность.

Какъ бы упорно крестьянскій міръ ни отстаивалъ свою самостоятельность, его производство тоже въ значительной степени обобществляется (если этотъ процессъ обобществленія мы будемъ понимать не узко). Капиталъ побѣждаетъ его съ помощью рыночныхъ цѣнъ, ипотекъ и краткосрочныхъ займовъ всякаго типа. Въ Баваріи есть уголки, гдѣ поголовно вся крестьянская недвижимая собственность заложена, и притомъ въ размѣрѣ, много превышающемъ половину ея стоимости. Концентрація экономической мощи страны, процессъ новаго развитія ея производительныхъ силъ совершается и безъ видимой пролетаризаціи крестьянства. Мы уже знаемъ, что отсутствіе внѣшнихъ признаковъ пролетаризаціи имѣетъ мѣсто нерѣдко и въ индустріи: выше мы говорили о пережиткахъ ремесленничества.

Какую бы отрасль сельско-хозяйственнаго производства мы ни взяли, на всемъ замѣтимъ централизирующее вліяніе рынка.

Людв. Крживицкій, въ своей книгѣ «Аграрный вопросъ», рисуя передъ нами картину капитализированнаго земледѣлія, приводитъ очень много любопытныхъ примѣровъ вовлеченія деревни въ мѣновой оборотъ. Вотъ что онъ говоритъ о торговлѣ яйцами: «Товаръ этотъ отличается свойствами, вслѣдствіе которыхъ перевозка его и сохраненіе представляютъ собой очень трудную задачу. И все-таки онъ сталъ продуктомъ международнаго обмѣна... Оптовые купцы, которые въ своихъ рукахъ сосредоточили ввозъ этого товара въ Англію, оказываютъ давленіе на очень далекія страны... Я напалъ на слѣдъ торговой организаціи яицъ въ Кѣлецкой губ. Мелкіе торгаши посѣщаютъ тамъ деревни, покупаютъ яйца у крестьянъ и сбываютъ ихъ ежедневно въ ближайшемъ посадѣ опредѣленнымъ торговцамъ. Тѣ отвозятъ товаръ въ большомъ количествѣ въ Стоиницу и Хмѣльникъ—два центра вывоза яицъ. Товаръ,

перешедши черезъ руки нѣсколькихъ посредниковъ, попадаетъ въ губернскій городъ Кѣльцы—къ оптовымъ домамъ, имѣющимъ сношеніе съ заграничными фирмами»... [1]). То же происходитъ съ хлѣбомъ, овощами, скотомъ. Невидимыми нитями глухая деревушка даже черезъ своихъ куръ связывается съ центрами міровой торговли. Если она желаетъ болѣе или менѣе выгодно сбыть свои продукты, должна, насколько это въ ея силахъ, прислушиваться къ приказаніямъ товарныхъ биржъ, приноравливаться къ ея вкусамъ и запросамъ. «Образованіе фабричныхъ округовъ и возникновеніе городовъ повліяло прежде всего на обмѣнъ и развило въ немъ централизацію; съ теченіемъ времени оно начало оказывать дѣйствіе на производство хлѣба, овощей, молока и другихъ съѣстныхъ продуктовъ. Города и фабрики дали толчокъ появленію большихъ фруктовыхъ садовъ, расширили размѣры фермъ, открыли возможность продажи мяса, высылаемаго въ количествѣ милліоновъ фунтовъ изъ степей Америки» [2]). Рыночная централизація могущественно содѣйствуетъ обобществленію производства, хотя степень его и внѣшній видъ могутъ быть различны. Подчиненная, служебная роль мелкаго производителя лучше всего явствуетъ изъ того низкаго уровня потребленія, какое замѣчается въ самостоятельныхъ мелкихъ хозяйствахъ. Напр., Баденская анкета о крестьянскомъ хозяйствѣ показываетъ, что мелкій крестьянинъ живетъ немногимъ лучше чѣмъ тамошній поденщикъ.

	Потребленіе на 1 человѣка въ день [3]).				Расходъ на 1 чел	
	Хлѣба и плодовъ	Картофеля	Мяса грам.	Молока литр.	Въ 1 день на колон. тов., отопл., освѣщен. пфен.	Въ годъ на одежду марокъ.
	фунтовъ.					
Крупные крест.	1,84	1,82	138	1,05	72	66
Средніе »	1,59	1,90	111	0,95	62	47
Мелкіе »	1,49	1,94	72	1,11	57	38
Поденщики . . .	1,69	2,14	56	0,85	51	32

[1]) Л. Крживицкій: «Аграрный вопросъ», в. I. Спб. 1906 (пер. съ польск.), стр. 15—16.

[2]) Ibid., стр. 46.

[3]) См. Ленинъ: «Аграрный вопросъ и критики Маркса», Обра № 2—1906 г., стр. 195.

Итакъ, капитализмъ обусловливается, съ одной стороны, полнымъ крушеніемъ натуральныхъ устоевъ хозяйства, развитіемъ мѣнового оборота, въ который втягиваются всѣ экономическія единицы и черезъ это становятся зависимыми отъ національнаго и международнаго рынка; съ другой стороны—все увеличивающимся расчлененіемъ общества на владѣющихъ и невладѣющихъ средствами производства. Пролетаріатъ развивается и въ чистомъ, и въ скрытомъ видѣ. Послѣдній видъ его (ремесленники, мелкіе крестьяне) составляетъ одну изъ самыхъ тяжелыхъ формъ капиталистической эволюціи: какъ общее правило, здѣсь царитъ «потогонная система». И кто знаетъ, не придется ли совсѣмъ смести съ лица земли такія предпріятія, чтобы избѣжать духовнаго и физическаго вырожденія подрастающихъ поколѣній! Въ недалекомъ будущемъ развитіе фабричнаго законодательства въ сторону ограниченія рабочаго времени, охраны труда дѣтей и подростковъ, усиленія штата фабричной инспекціи, учрежденія особыхъ «домашнихъ инспекторовъ» должно сокрушить ремесленное производство. Походъ будетъ вестись, конечно, не во имя «экспропріаціи» ремесленниковъ, а изъ соображеній соціально-гигіеническихъ. Распространеніе охраны труда на все земледѣльческое производство, охраны, противъ которой трудно возражать, значительно уменьшитъ шансы существованія мелкихъ крестьянъ-собственниковъ. Мы допускаемъ, однако, что здѣсь съ темными сторонами капитализма будетъ бороться очень трудно. Намъ представляется весьма вѣроятнымъ, что значительная часть этихъ фанатиковъ собственности, какихъ мы встрѣчаемъ въ Зап. Европѣ, доживетъ до времени законодательнаго конституированія пролетаріатомъ новаго соціальнаго строя. Возможно, что ихъ придется экспропріировать. Но еще вѣроятнѣе, что ихъ оставятъ въ покоѣ, такъ какъ навѣрное число мелкихъ крестьянъ окажется относительно невелико, и процессъ насажденія крупныхъ земледѣльческихъ кооперацій соціалистическаго характера пойдетъ мимо нихъ, чрезъ ихъ головы. Въ концѣ концовъ они сами сознаютъ нелѣпость своей соціальной позиціи.

Сущность капиталистической эволюціи нами указана;

отсутствіе или слабое развитіе «юридической» концентраціи недвижимаго или движимаго капитала насъ не пугаетъ; мы знаемъ также, что и техническая концентрація не охватываетъ всего экономическаго процесса. Остается прибавить нѣкоторыя детали: ростъ городского населенія за счетъ деревенскаго, обусловливаемый отдѣленіемъ индустріи отъ земледѣлія и ея перенесеніемъ въ города, а также интенсификаціей сельскаго хозяйства; усиленіе парового транспорта, техническое преобразованіе производства и т. д. Какъ ни велико значеніе техники, прогрессъ которой создалъ «промышленную революцію» въ Англіи, все же не она кладетъ краеугольные камни въ фундаментъ капиталистическаго храма. Общественно-экономическая революція въ Англіи свершилась значительно раньше промышленной: техническій переворотъ только обострилъ отношенія, облегчилъ процессъ, допроявилъ слабый и смазанный негативъ.

Можемъ ли мы констатировать въ Россіи наличность моментовъ, опредѣляющихъ капиталистическій характеръ хозяйства? Утвердительный отвѣтъ на это дастъ слѣдующая глава.

IV.

Прежде всего, Россія съ каждымъ годомъ—послѣ паденія крѣпостного права—все больше и больше преобразовывала свое хозяйство изъ натуральнаго въ мѣновое. Не говоря о процессѣ роста внутренняго обмѣна, заставляющаго служить «золотому тельцу» самаго захолустнаго мужика, мы обратимъ вниманіе лицъ, утверждающихъ «самобытность» нашего отечества, на ростъ международныхъ торговыхъ сношеній Россіи [1]).

	Въ милл. кред. руб.	
Годы:	Ввозъ.	Вывозъ.
1861—70	225,8	222,7
1871—80	488,2	454,8
1881—90	471,8	622,2
1891—95	469,0	628,0
1896	589,8	688,6

[1]) Данныя цифры заимствованы изъ «Россія» Брокг. и Ефр., изъ «Almanach de Gotha»—1906 г.

Годы:	Въ милл. кред. руб. Ввозъ.	Вывозъ.
1897	560,0	726,6
1898	617,5	734,4
1899	650,5	627,0
1900	626,4	716,4
1901	593,4	761,5
1902	527,0	825,0
1903	540,0	902,0

Эти цифры, ихъ постоянный ростъ указываютъ, въ какой степени Россія становится зависимой отъ условій международнаго рынка. На первомъ планѣ нашего отпуска къ концу 90-хъ годовъ стояла пшеница (вывозилась $^1/_3$—$^1/_2$ чистаго сбора); затѣмъ слѣдуютъ рожь, ячмень, овесъ. Лѣсъ и яйца составляютъ весьма крупныя статьи отпуска. Оказывается, что именно земледѣліе и связанныя съ нимъ производства являются наиболѣе активными участниками международной торговли: они выносятъ на своихъ плечахъ трудъ сведенія нашего торговаго баланса. Трудно высчитать, въ какой мѣрѣ крестьянинъ принимаетъ участіе въ этой работѣ, но ясно, что онъ прямо или косвенно попадаетъ въ зависимость отъ рынка: всякій актъ продажи хлѣба обозначаетъ привлеченіе «мужика» къ этому процессу.

Расцѣнка продуктовъ земледѣлія и скотоводства, совершаемая подъ непосредственнымъ вліяніемъ обще-рыночныхъ комбинацій, проникаетъ глубоко во всю сельскохозяйственную экономику Россіи: ею опредѣляются въ значительной степени арендныя цѣны, стоимость рабочей силы и пр. Конечно, тутъ имѣетъ мѣсто вліяніе пережитковъ крѣпостничества, слабости подсобныхъ промысловъ и пр.; объ этомъ мы скажемъ позднѣе. Фактъ, однако, остается фактомъ. Россія много продаетъ и много покупаетъ. Правда, мы знаемъ, что многіе крестьяне везутъ свой хлѣбъ для продажи ради уплаты податей, съ тѣмъ, чтобы весной снова его покупать за высшую цѣну. Недаромъ сложились и бытовыя поговорки такого рода: «не тужи, матушка-рожка, что выпала въ городъ дорожка; весной переплачу, да назадъ ворочу»; «не горюй, овесъ, что въ Москву повезъ; потомъ втридорога заплачу, а домой ворочу». Но какъ ни при-

скорбно это явленіе, о какой страшной эксплоатаціи деревни оно ни свидѣтельствуетъ, въ интересующемъ насъ вопросѣ изъ него можно сдѣлать только одинъ выводъ: крестьянинъ на почвѣ хлѣбной торговли дважды становится зависимымъ отъ рынка.

На первомъ планѣ нашего привоза стоитъ не готовый фабрикатъ, удовлетворяющій непосредственно потребность, а элементы для обработки и машины,—т.-е. пища индустріи, развитіе которой и притомъ довольно быстрое врядъ ли можно оспаривать. Хлопокъ-сырецъ и машины—главнѣйшія статьи привоза.

Какими бы недостатками ни страдала наша торгово-промышленная статистика, тѣмъ не менѣе ея данныя могутъ служить показателемъ роста индустріи.

Въ виду того, что дѣло завоеванія внѣшнихъ рынковъ у насъ обстоитъ плохо, основнымъ потребителемъ продуктовъ отечественной обрабатывающей промышленности все же придется признать русское населеніе, его массу. А это означаетъ несомнѣнность внѣдренія въ хозяйственный организмъ Россіи значительной части уродливо развивавшейся подъ вліяніемъ протекціонизма промышленности. Въ серединѣ прошлаго столѣтія насчитывалось въ Россіи (безъ Царства Польскаго и др.)—10.000 фабрикъ, съ полумилліоннымъ рабочимъ составомъ и производительностью въ 160 милл. руб.; къ концу его считалось 38.401 фабрика, рабочихъ болѣе 2 милл. людей, а производительность (вычисленная съ несомнѣнными ошибками) въ $2^3/_4$ милліарда руб.

Желѣзнодорожное сообщеніе представляетъ картину быстраго роста. Въ 1838 г. Россія обладала желѣзнодорожнымъ путемъ только въ 24 версты, 1893 г.—32.321, 1900 г.—51.288, 1902 г. — 64.828 вер. Сибирскій путь прочно связалъ восточную и западную половины Имперіи. Само собой разумѣется, что расширеніе парового транспорта повлекло за собой глубокія хозяйственныя измѣненія. Желѣзныя дороги призвали къ жизни цѣлый рядъ новыхъ производствъ; только благодаря паровому транспорту усилилась и развилась на югѣ Россіи добыча каменнаго угля, чугуна, желѣза [1]). Въ 1875 году добывалось каменнаго угля на югѣ

[1]) А. Радцигъ, пополненн. нов. данными, во «Вліяніи жел. дорогъ на сельское хозяйство промышленность торговлю». Спб. 1896 г., гл. IV.

Россіи 104,3 милл. пуд., въ 1894 г.—526,8 милл. пуд., въ 1902 г.—642,14 милл. пуд. Выплавка чугуна, подъ вліяніемъ, при содѣйствіи желѣзнодорожнаго сообщенія, на томъ же югѣ съ 34.472 пуд. въ 1871 г. достигла въ 1904 г.— 110.641 тыс. пуд. Въ сельско-хозяйственномъ отношеніи югъ Россіи совершалъ свою эволюцію подъ вліяніемъ того же момента; это легко усматривается изъ слѣдующихъ табличекъ:

Въ Новороссійскихъ губерніяхъ:

Длина дорогъ въ верстахъ.		Хлѣбъ и карт. въ тысяч. четвер.		Возрастаніе населенія въ тысяч.	
1874 г.	2.623	1864 г.	2.725	135	1870 г. 5.819
1894 »	4.789	1894 »	8.461	10.661	1890 » 9.130

Югъ усилилъ посѣвы, сѣверъ—сократилъ. На основаніи многочисленныхъ данныхъ Радцигъ замѣчаетъ: «Дальнѣйшій ростъ нашей сѣти будетъ сопровождаться увеличеніемъ производительности во всѣхъ отрасляхъ промышленности» [1]); это предсказаніе отчасти оправдалось, хотя мы и не можемъ выражать особенной радости по этому поводу, такъ какъ процессъ совершался въ ненормальныхъ условіяхъ и часто влекъ за собою ненормальные эксцессы; но мы можемъ установить незыблемо одно положеніе: развитіе парового транспорта производитъ коренную ломку патріархальнаго, натуральнаго хозяйства, и утопіи, носящія «патріархальный» характеръ, все дальше и дальше отходятъ отъ реальной жизни.

Какъ ни слабо развитіе въ Россіи городской жизни, но и она подвигается впередъ. Конечно, намъ еще далеко — не говоря ужъ объ Англіи, гдѣ 72,05% населенія живетъ въ городахъ—до нашей сосѣдки Пруссіи: послѣдняя въ половинѣ прошлаго столѣтія обладала городскимъ населеніемъ въ 28,9%, а въ 1895 г.—49,8% всѣхъ жителей. Однако же, и мы можемъ констатировать у насъ ростъ городовъ:

	60-е годы.	%	97-й годъ.	%
Европ. Россія . . .	6.087.070	10	12.027.038	12,8
Царство Польск. .	1.348.325	25,3	2.055.892	21,7
Финляндія	119.641	6,6	281.216	11,0

[1]) Ibid., стр. 243.

	60-е годы.	%	97-й годъ.	%
Кавказъ	349.912	8,4	1.010.615	10,9
Сибирь	228.634	7,8	473.796	9,3
Средне-Азіат. вл.	23.880	1,6	936.655	12,0
Всего	8.157.462	10,5	16.785.212	13%[1]).

Отдѣльные города растутъ удивительно быстро: Москва въ 1882 г. имѣла 678 тыс., 1897 г.—1.038 тыс. въ 1902 г.—1.173 тыс. Процентъ возрастанія въ послѣдніе годы — 2,48%[2]).

Кредитъ, этотъ могущественный рычагъ капитализированія хозяйства, централизаціи производительныхъ силъ, развивался у насъ не только въ видѣ государственнаго, но и въ видѣ частнаго. Акціонерные коммерческіе банки, появившіеся въ Россіи только въ 60-хъ годахъ, имѣли къ 1 января 1887 г. основного капитала—101,9 милл. руб., запаснаго—17,5 милл. руб.; вкладовъ—на 125,3 милл. руб., на текущемъ счету—140,6 милл. руб.; учетъ векселей достигалъ суммы—140,6 милл. руб., ссуды—166,2 милл. руб. Къ 1-му января 1906 г. балансъ ихъ достигалъ 1.925.322 тыс. руб. Капиталъ всюду захватывалъ въ свои руки земельную собственность путемъ ипотекъ; съ ихъ помощью онъ во всѣхъ странахъ гордаго потомка феодальныхъ рыцарей превращалъ въ своего данника. Стоитъ только вспомнить, какъ «соціалистъ» Родбертусъ сѣтовалъ на гибель рыцарскихъ имѣній подъ ударами денежныхъ тузовъ. Поземельный кредитъ — есть одинъ изъ самыхъ яркихъ моментовъ капитализированія земледѣлія. И вотъ къ 1903 году въ залогѣ состояло 58.807.099 десятинъ частно-владѣльческой земли съ ссудой въ 2.100.329.260 руб. и непогашенной задолженностью въ 1.973.858.308 руб. Крестьянскій банкъ и покупщиковъ крестьянъ втолкнулъ въ этотъ аппаратъ — и на плечахъ этого рода частныхъ владѣльцевъ лежитъ около 324 милл. рублей (къ 1903 г.). Не будемъ утомлять читателя многочисленными статистическими выкладками, доказывающими превращеніе русской экономики изъ натуральной въ мѣно-

[1]) «Россія»: Брокгауза-Ефрона.

[2]) Озеровъ: «Экономич. Россія», М. 1905, стр. 85.

вую. Укажемъ еще на ростъ нашего бюджета, тяжесть котораго почти цѣликомъ лежитъ на плечахъ массы населенія; ясно, что напряженіе его платежныхъ силъ должно было способствовать развитію и упроченію мѣнового оборота. По десятилѣтіямъ валовой бюджетъ въ Россіи возросталъ въ такихъ %-хъ отношеніяхъ [1]):

1857 г.	212,3
1867 »	322,0
1887 »	561,0
1897 »	912,4

За это время наивысшая норма увеличенія бюджета въ Англіи—238,1%, во Франціи 303%.

Государственные расходы въ 1832 г. составляли около 142 милл. руб., теперь—около 2 милліардовъ. Развитіе косвеннаго обложенія насчетъ прямого дѣйствовало въ томъ же направленіи.

Совершался ли связанный съ капитализированіемъ другой соціальный процессъ—классовое разслоеніе? Всѣмъ памятны еще восторги народниковъ по поводу того, что нашъ фабрично-заводскій пролетаріатъ застылъ на неподвижной цифрѣ—около милліона—и не подаетъ надеждъ на дальнѣйшее развитіе. Мало того, г. Каблуковъ отмѣчалъ даже абсолютное и относительное его уменьшеніе. Г. Ильинъ въ своей извѣстной книгѣ «Развитіе капитализма въ Россіи» показалъ ошибочность разсчетовъ гг. народниковъ и самъ насчиталъ около десяти милліоновъ живущихъ наемнымъ трудомъ, соглашаясь уменьшить ихъ цифру въ виду сохраняющейся еще у многихъ связи съ землей.

Перепись 1897 г. оправдала расчеты г. Ильина: по ея даннымъ, въ Россіи 9.156.080 лицъ, главнымъ источникомъ существованія которыхъ является наемный трудъ. Г. Лосицкій [2]) въ своемъ прекрасномъ этюдѣ о населеніи Россіи по перепеси 1897 г. указываетъ, что при группировкѣ жителей на самодѣятельныхъ и несамодѣятельныхъ, % рабочихъ составитъ не менѣе 22, т.-е. въ Россіи около 1/4 населенія пролетаризировано. Что касается земледѣлія въ частности, то здѣсь рабочихъ и прислуги на 16.240,7 тыс.

---

[1]) «Россія».

[2]) См. ст. А. Лосицкаго: «Міръ Божій», авг. 1905 г.

самостоятельныхъ лицъ оказывается 2.368,5 тыс., или 14,6%. Во всей Имперіи общее количество крестьянъ въ экономическомъ смыслѣ (съ ихъ семьями) — 80 милл. д., или 64% населенія; пролетаріатъ съ семьями—22 милл. д., или 17% населенія. Всѣ прочія группы составятъ 24 милл., или 19%. Сдѣланные въ высшей степени осторожно, съ учетомъ недостатковъ переписи, выводы г. Лосицкаго съ несомнѣнностью утверждаютъ насъ въ убѣжденіи, что процессъ общественнаго разслоенія, по мѣрѣ экономическаго развитія Россіи, быстрыми шагами идетъ впередъ. Свыше 9 милліоновъ лицъ, а съ семьями около 22 милл., живутъ главнымъ образомъ отъ продажи своего труда! Процессъ пролетаризированія въ значительной мѣрѣ затемняется сохраненіемъ за многими рабочими земли въ деревнѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что пережитки стараго—въ видѣ общины, закона о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ и проч.— внесли большую лепту въ это затемненіе. Съ другой стороны, недостаточно быстрый темпъ развитія индустріи, сковываемой протекціонизмомъ (на первый взглядъ это можетъ показаться парадоксомъ), капитализированіе многихъ кустарныхъ промысловъ заставило излишки деревенскаго населенія, не поглощаемые городами, жадно хвататься за землю и подвергаться нещадной эксплоатаціи со стороны представителей деревенскаго капитала. Насколько этотъ послѣдній преуспѣваетъ и даже юридически концентрируетъ въ своихъ рукахъ земельную собственность, можно судить по характернымъ даннымъ движенія крестьянскаго землевладѣнія. Передъ нами—интересный XII выпускъ «Матеріаловъ по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи». 1898 годъ рѣзко выдѣляется изъ другихъ по количеству крестьянскихъ покупокъ [1]).

	Въ среднемъ за 35 лѣтъ (1863—97 г.) тыс. дес.	1898 г. тыс. дес.	% отношеніе 1898 года къ средней.
Покупки крестьянами . .	558	1.244	223
Продажи	211	447	212
Прибыль	347	797	230

[1]) «Матеріалы по ст. движ. земл. въ Россіи». Вып. XII, Спб., 1905 г., стр. XIX.

Слѣдовательно, сравнительно со средними за 35 лѣтъ покупки, продажи и прибыль крестьянскаго землевладѣнія въ 1898 г. болѣе чѣмъ удвоились. «Неуклонно развивающійся процессъ образованія новаго крестьянскаго землевладѣнія, особенно увеличившійся съ середины 80-хъ годовъ, въ 1898 г. сдѣлалъ новый громадный шагъ впередъ» [1]). На фонѣ деревенской нищеты все больше выдѣляется этотъ процессъ новообразованія «крѣпкихъ хозяйствъ».

Не бѣдняки пріобрѣтаютъ земли. Весьма знаменателенъ тотъ фактъ, что центръ тяжести крестьянскихъ земельныхъ пріобрѣтеній за 35 лѣтъ лежитъ въ нечерноземной полосѣ, гдѣ особенно ярко сказывается «оскудѣніе». Если бы въ земельныхъ покупкахъ сказывался общій подъемъ крестьянскаго населенія, то урожайные годы давали бы наибольшее ихъ количество. Но какъ разъ 1897 г., реализованный урожай котораго могъ бы создать фондъ для покупки земли, былъ неудовлетворителенъ въ этомъ отношеніи. «Тѣ районы, которые отличались въ 1898 г. особеннымъ развитіемъ крестьянскихъ земельныхъ пріобрѣтеній, были поражены въ 1897 г. наибольшимъ недородомъ» [1]). Замѣтимъ при этомъ, что большинство покупокъ совершалось съ помощью Крестьянскаго банка. Предоставимъ слово автору «Введенія» къ XII-му выпуску: «Констатированная... обратная зависимость... развитія крестьянскихъ земельныхъ покупокъ съ уровнемъ урожая... на первый взглядъ кажется неожиданной и необъяснимой. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи—объясненіе легко находится въ реальныхъ отношеніяхъ, которыя связаны съ неурожаемъ для зажиточныхъ хозяйствъ, только и предъявляющихъ спросъ на землю. Тяжелый для хозяйства «потребительнаго», «натуральнаго» типа, и тѣмъ болѣе «покупающихъ хлѣбъ, неурожай оказывается въ большинствѣ случаевъ выгоднымъ для хозяйствъ, продающихъ хлѣбъ, благодаря росту хлѣбныхъ цѣнъ, обычно превышающему степень пониженія урожая въ торговыхъ хозяйствахъ. Къ этому именно типу хозяйствъ принадлежатъ зажиточные

[1]) Ibid., стр. XX.

крестьяне въ черноземной полосѣ. Имѣя послѣ хорошаго урожая 1896 г. или хлѣбные или денежные запасы, а отчасти имѣя достаточный сборъ хлѣбовъ и въ 1897 г., они съ тѣмъ большей выгодой для себя воспользовались неурожаемъ 1897 года, чѣмъ онъ былъ сильнѣе, т.-е. чѣмъ сильнѣе повысились мѣстныя цѣны на хлѣбъ и вообще возросла степень эксплоатаціи малоимущихъ слоевъ деревни. Въ чрезвычайно выгодномъ положеніи оказались также зажиточные хозяева хлѣбныхъ мѣстностей, расположенныхъ въ непосредственной близости съ сильно неурожайнымъ райономъ, такъ какъ для нихъ соотвѣтственно съ меньшею степенью неурожая возрастала возможность выгодной реализаціи сбора 1897 г. Отсюда увеличеніе крестьянскихъ земельныхъ покупокъ въ 1898 г. въ мѣстностяхъ наиболѣе неурожайныхъ или сосѣднихъ съ ними» [1]).

Разнородность крестьянской массы, сосредоточиваніе земельныхъ угодій въ рукахъ болѣе зажиточныхъ, а черезъ это и увеличеніе ихъ давленія на «продовольственныхъ» мужиковъ—рисуется передъ нами довольно выпукло.

Помимо этой экономической концентраціи, связанной съ соотвѣтствующимъ юридическимъ эффектомъ, многочисленныя земскія данныя свидѣтельствуютъ о большомъ развитіи фактической концентраціи средствъ производства въ деревнѣ. Вотъ, напр., свѣдѣнія о Самарской губ.: безземельныхъ дворовъ—21.624, безхозяйныхъ—33.772, безлошадныхъ и однолошадныхъ вмѣстѣ—110.906 семей (съ 600 т. дѣтей обоего пола). Фактически, по заключенію «Своднаго Сборника по Самарской губ.», это поденщики, пахари, пастухи, жнецы и проч. рабочіе въ крупныхъ хозяйствахъ, засѣвающіе на своей надѣльной землѣ $^1/_2$—1 десятины для прокормленія остающейся дома семьи [2]). Въ Камышинскомъ уѣздѣ Саратовской губ. пятая часть дворовъ ($^1/_3$ населенія) фактически держитъ въ своихъ рукахъ болѣе половины посѣвной площади, владѣетъ $^3/_5$ всего крестьянскаго скота. Аналогичныя картины встрѣчаются въ

---

[1]) Ibid., см. Введеніе стр. XXIII.

[2]) Цитировано по В. Ильину—«Развитіе капитализма въ Россіи» Спб., 1899 г. 49, 92 и passim.

Россіи повсюду, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще сохраняется общинный строй, и тамъ, гдѣ существуетъ подворное владѣніе. Община не могла спасти «міръ» отъ разслоенія на зажиточныхъ, хозяйственныхъ и полупролетаріевъ. Голое право на клочокъ земли не можетъ создать прочнаго самостоятельнаго земледѣльца: вѣдь нуженъ живой и мертвый инвентарь, различные денежные расходы, связанные съ веденіемъ хозяйства. Отсылая читателя за подробностями къ превосходному труду г. Ильина, мы возьмемъ изъ его работы слѣдующія, весьма характерныя данныя:

Въ 49 губ. Евр. Россіи.

Крестьянскихъ дворовъ:		Въ %		У нихъ лош.	Въ %	
Безлошадные . .	2.777.485	27,3	55,9	—	—	
Съ 1 лошадью.	2.909.042	28,6		2.909.042	17,2	
» 2 »	2.247.827	22,1		4.495.654	26,5	
» 3 »	1.072.298	10,9	22,1	3.216.894	18,9	56,3
» 4 и болѣе.	1.155.907	11,4		6.339.198	37,4	

Изъ этихъ цифръ читатель можетъ видѣть, какія глубокія различія замѣчаются въ хозяйственной обезпеченности различныхъ слоевъ деревенскаго населенія. Крестьяне безъ лошади или даже съ одной клячей поневолѣ находятся въ экономической зависимости отъ «богачей»; сохраняя душу собственника, на дѣлѣ они являются пролетаріями. Пятая часть дворовъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ болѣе половины всего количества лошадей; несомнѣнно, что она сосредоточиваетъ и половину посѣвовъ, т.-е. въ деревнѣ совершается незамѣтная на первый взглядъ концентрація сельско-хозяйственнаго производства.

Потеря бѣднымъ «мужикомъ» своей самостоятельности ярко иллюстрируется внушительными размѣрами операціи сдачи въ аренду надѣльныхъ земель: по земскимъ даннымъ, относящимся къ 114 уѣздамъ, такая сдача выражалась суммой 933 т. дес., по даннымъ комиссіи объ оскудѣніи центра—1.564 т. дес. Данныя—неполны, но заслуживаютъ вниманія. Естественно, что этотъ процессъ находитъ наибольшее проявленіе тамъ, гдѣ много безлошадныхъ, гдѣ развиты отхожіе промыслы. Съемщиками надѣльной земли, какъ общее правило, оказываются зажиточные, «заможные» крестьяне.

Что касается кустарныхъ промысловъ, «народной отрасли промышленнаго труда»,—то безчисленныя жалобы изслѣдователей на эксплоатацію кустарей скупщиками-кулаками являются достаточнымъ показателемъ капитализированія этихъ промысловъ. Кустарное производство все болѣе и болѣе становится капиталистической «Hausindustrie». Не могутъ защитить кустарей отъ давленія капитала ни частныя учрежденія благотворительнаго характера, ни земскія начинанія, ни бюрократическо-народническія попытки. Насколько прочно кустарь вдвинутъ въ чисто-капиталистическій механизмъ оборота, можно судить по тому количеству посредниковъ-торговцевъ, по прочности той цѣпи, которой они прикованы къ опредѣленному рынку. Прасольщики — первая инстанція—обыкновенно раздаютъ мелкіе заказы и скопляютъ въ рукахъ выполненную работу, болѣе крупные торговцы скупаютъ у нихъ товаръ и возятъ въ столицы, но лишь оптовые торговцы, перекупая товаръ, сносятся съ большими фирмами. Въ результатѣ — кустари получаютъ нищенскую плату, а торговая прибыль возрастаетъ до 15—20%. Только полная невозможность найти приложеніе своему труду, только удивительно низкій уровень потребностей объясняютъ фактъ удовлетворенія кустаря заработной платой въ размѣрѣ 14—20 коп. за день (съ 15—16 часами труда).

На основаніи всего вышеизложеннаго мы заключаемъ, что капитализмъ, какъ мы его охарактеризовали выше, развивается въ Россіи: хозяйство ея стало почти всецѣло товарнымъ, пролетаріатъ возрастаетъ, экономическая концентрація средствъ производства совершается во всѣхъ главнѣйшихъ отрасляхъ экономики.

Крестьянская масса давно перестала быть однородной (въ хозяйственномъ отношеніи), и лишь сословный строй, пережитки стараго, поддерживаемые изъ политическихъ соображеній, мѣшаютъ эволюціонному процессу пріобрѣсти подобающій ему внѣшній обликъ. Если наше заключеніе правильно, то и вся аграрная проблема, всякій аграрный проектъ долженъ быть разсматриваемъ по своему соотвѣтствію началамъ капиталистической экономики.

V.

Крестьянская нищета, оскудѣніе деревни оффиціально констатированы. Сословный строй, земскій начальникъ, принудительный сѣвооборотъ, община—не спасли деревню отъ пауперизаціи, по крайней мѣрѣ значительную часть ея населенія. Государство отняло отъ массы крестьянъ всѣ средства поднять свое хозяйство на высшую ступень развитія производительныхъ силъ: фискъ жадно высасывалъ съ помощью своихъ широко раскинутыхъ щупальцевъ каждую попавшую въ карманъ рядового крестьянина копѣйку. Ради выполненія финансоваго «тягла» крестьянинъ фактически прикрѣплялся къ землѣ. Мужицкое тѣло терзалось съ двухъ сторонъ: и правительствомъ, и классами имущими. Процессъ капитализированія земледѣлія совершался въ самой тяжелой, гнусной формѣ — высасыванія соковъ изъ массы населенія безъ возвращенія ему части добытаго въ какой бы то ни было формѣ, безъ возможности общественно-экономическаго подъема эксплуатируемыхъ. Аграрный капитализмъ вообще въ этомъ отношеніи имѣетъ отличіе отъ индустріальнаго, но въ Россіи, благодаря устарѣвшимъ политическимъ формамъ, темныя стороны экономическаго процесса были доведены до maximum'a. Правительство обратило свое благосклонное вниманіе на деревенскую нужду только тогда, когда мужицкій карманъ отказался выносить налоговое бремя и когда деревня стала посылать въ армію все большій процентъ негодныхъ къ военной службѣ. Недоимки по окладнымъ сборамъ и выкупнымъ платежамъ обнаруживали неудержимую тенденцію къ возрастанію.

Губерніи:	% недоимокъ по окладу: 1871—75	1876—80	1881—85	1886—90
Прибалт.	22	10	13	31
Ц. черноз. . .	10	15	32	42
Малоросс.	14	9	18	37
	1891—95	1896	1897	1898
Прибалт.	53	64	57	64
Ц. черноз. . .	122	127	161	177
Малоросс.	32	31	30	27

Цифры [1])—суммарныя, при разложеніи дающія для нѣкоторыхъ уѣздовъ поразительно высокія величины.

Изъ призванныхъ по 50 губ. Европейской Россіи браковались по физическимъ недостаткамъ:

	В ъ т ы с я ч а х ъ.		
	1874—83 г.	1884—93 г.	1894—1901 г.
	406,8	534,0	701,8
Въ ⁰/₀⁰/₀	6,4	7,7	10,3

Забракованныхъ и получившихъ отсрочку:

1874—83 г.	1884—93 г.	1894—1901 г.
13,1⁰/₀	17,4⁰/₀	19,5⁰/₀ [2]).

Въ послѣднія семь лѣтъ, такимъ образомъ, забракованныхъ оказалось почти на 1/3 больше, чѣмъ въ предыдущій періодъ.

Высокая русская плодовитость сопровождалась поразительною смертностью.

	Въ 90-хъ годахъ на 1000 чел. умирало.
Новая Зеландія	12
Англія	18,9
Бельгія.	20,2
Россія	34,8 [3]).

Выше Россіи стоятъ только острова Фиджи. Помимо этого, многочисленныя данныя свидѣтельствуютъ о хроническомъ недоѣданіи массы населенія въ деревнѣ.

При самой умѣренной нормѣ хлѣбнаго душевого довольства (17 съ лишн. пудовъ) въ 90-хъ годахъ цѣлыхъ 18 губерній не обладали достаточнымъ количествомъ хлѣба. О питаніи, напримѣръ, крестьянъ Кѣлецкой губерніи свѣдущія лица сообщаютъ слѣдующее: «Обычнымъ питаніемъ ихъ служитъ картофель; къ нему иногда добавляется жидкая кашица, сваренная на водѣ изъ ячменныхъ или гречневыхъ крупъ, капуста и т. п. Мясо потребляется лишь въ особо торжественныхъ случаяхъ, хлѣбъ же у громаднаго большинства крестьянъ составляетъ самую незначительную и

[1]) Взяты изъ «Трудовъ Особаго Совѣщанія». Изслѣд. экон. полож. Ц. черноз. губ. П о л ѣ н о в ъ, 1901 г.

[2]) Ibid.

[3]) См. О з е р о в ъ, цит. выше.

притомъ не повседневную добавку къ упомянутымъ продуктамъ. Ранней весной, когда запасы картофеля и денегъ уже истощились, наиболѣе бѣдные крестьяне прибѣгаютъ даже къ слѣдующей почти совершенно непитательной пищѣ: они выкапываютъ изъ земли остатки прошлогодняго, уже полусгнившаго картофеля, пролежавшаго въ землѣ цѣлую зиму, сушатъ его, перемалываютъ въ муку, изъ которой приготовляютъ совершенно безвкусный, очень скоро черствѣющій хлѣбъ» [1]).

О прелестяхъ «трудового хозяйства» въ центральныхъ губ. другой изслѣдователь пишетъ слѣдующее: «Крестьяне ради уплаты налоговъ расторговывали свое имущество и продавали, пока было, что продавать. Дальнѣйшее уменьшеніе крестьянскаго имущества... теперь стало едва ли мыслимымъ, такъ какъ ничего, могущаго быть проданнымъ, уже не осталось» [2]).

Фактъ пауперизаціи значительной части деревенскаго населенія надо признать. Мы строго различаемъ два процесса—пауперизацію и пролетаризацію—и осмѣливаемся полагать, что при нормальныхъ правовыхъ и политическихъ условіяхъ послѣдній процессъ не сопровождался бы для крестьянъ столь печальными экономическими послѣдствіями. Съ пауперизмомъ, какъ таковымъ, надо бороться со всякой прогрессивной точки зрѣнія. Партія пролетаріата—естественный, прирожденный врагъ «потогонной системы»—въ какихъ бы формахъ послѣдняя ни проявлялась. Но въ борьбѣ противъ нея никогда нельзя оставлять классовой пролетарской точки зрѣнія, никогда не слѣдуетъ приниматься за разрѣшеніе несвойственныхъ партіи задачъ. Если бы историческія условія Россіи позволили ей раньше раздѣлаться со старымъ режимомъ, то политическаго освобожденія, облегченія налогового крестьянскаго бремени, общаго подъема культуры и, можетъ быть, урегулированія арендныхъ отношеній было бы достаточно для разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Это все не выходитъ за предѣлы интересовъ пролетаріата, вполнѣ гармонируетъ съ марксистскимъ міровоззрѣніемъ. Дѣло теперь зашло дальше: обнищавшее, изголо-

[1]) Ibid., стр. 9.

[2]) Озеровъ, ibid., стр. 28.

давшееся населеніе деревни потеряло всякое терпѣніе и выступило на путь рѣшительной борьбы за расширеніе своего землепользованія; считая землю искони ему принадлежавшей, видя въ ней основу для удовлетворительнаго несенія государственнаго тягла, крестьянинъ требуетъ новаго распредѣленія поземельной собственности. «Земля и воля» является боевымъ кличемъ деревни. Въ какой мѣрѣ и по какимъ соображеніямъ партія рабочаго пролетаріата можетъ оказать ему поддержку, мы скажемъ ниже; теперь же остановимся на выясненіи причинъ, почему мы считаемъ расширеніе крестьянской запашки неизбѣжнымъ и въ извѣстныхъ отношеніяхъ желательнымъ явленіемъ.

Въ 1861 году свершилась «великая» реформа—освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Хотя русскому феодальному строю этой реформой былъ нанесенъ тяжелый ударъ, но не нужно забывать, что въ экономическомъ отношеніи крестьянству очень дорого обошлась его эмансипація, и съ самаго начала деревня не была поставлена въ нормальныя условія развитія. Помѣщичьи крестьяне, т.-е. приблизительно половина тогдашняго деревенскаго населенія, заплатили за свое освобожденіе потерей около $^1/_5$—$^1/_6$ части земель, находившихся въ ихъ распоряженіи, и непомѣрно высокой оцѣнкой отведенныхъ имъ надѣловъ. Для иллюстраціи приводимъ слѣдующія цифры:

Въ 6 губ. (Казан., Ворон., Сарат., Псковская, Новгор., Симб.) до реформы въ распоряженіи крестьянъ находилось.	5.986 тыс. дес.
Дворянамъ отсюда отошло (по рѣшенію Главнаго Комитета)	1.022 » »
Сами крестьяне отказались по правилу о нищенскомъ надѣлѣ.	180 » »
Итого крестьяне получили на выкупъ.	4.784 тыс. дес. [1])

Оцѣнка надѣловъ въ русскихъ губерніяхъ была произведена слѣдующимъ образомъ [2]):

[1]) См. П. Милюковъ: «Очерки по исторіи русской культуры», Спб. 1904 г., т. I, стр. 255—6.

[2]) А. Лосицкій: «Выкупная операція» (автореф. въ Вольн. Экон. Общ.), стр. 2 etc.

Губерніи:	Цѣнность надѣла (въ милл. р.) по продаж. цѣнамъ.		По выкупу.
	1854—9 г.	1863—72 г.	
Нечерноземныя.	155	180	342
Черноземныя.	219	284	342

Комментаріи излишни. За выкупленныя души помѣщики получили въ черноземной полосѣ 123 милл. руб., въ нечерноземной—187 милл. руб. Нѣсколько болѣе льготныя условія устроенія удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ оказались все же неспособными поставить рядовое крестьянство въ нормальныя условія. Неудивительно, что уже въ концѣ 70 годовъ извѣстный статистикъ Янсонъ пришелъ къ самому неутѣшительному выводу насчетъ «свободныхъ земледѣльцевъ»: земля надѣльная не въ состояніи, по его словамъ, прокормить крестьянъ; 37% валового дохода или 56% чистаго (съ земли) поглощаются налогами [1]).

Земля была продана крестьянамъ по ростовщической цѣнѣ; всѣ денежныя силы были напряжены во имя интересовъ фиска. Принудительный сѣвооборотъ, отсутствіе культуры и капиталовъ въ деревнѣ мощно задерживали развитіе производительныхъ силъ земледѣлія, мѣшали переходу къ болѣе интенсивный обработкѣ почвы. Между тѣмъ населеніе быстро росло, индустрія не была въ состояніи поглощать всего естественнаго прироста—и въ силу необходимости масса деревенскаго люда приковывалась къ землѣ, жадно искала приложенія своихъ рукъ въ земледѣліи, не подвигая впередъ своего хозяйства въ смыслѣ интенсификаціи. Въ 60 годахъ крестьяне составляли въ суммѣ около 50 милл. душъ; они получили земли въ недостаточномъ количествѣ (при трехпольной системѣ) для удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей и уплаты налоговъ. Нынѣ ихъ количество возросло (по переписи—въ 78 губ. и обл.) до 85 милл. душъ., т.-е. увеличилось приблизительно на 70%. Естественное слѣдствіе—уменьшеніе земельнаго обезпеченія, развитіе продовольственной аренды, ростъ кабалы и нищеты.

[1]) Янсонъ: «Опытъ стат. изслѣд. о крест. надѣлахъ и платеж.», Спб., 1877 г.

	Надѣльной земли на 1 душу м. п.	Купчей.	Всего.
1860 г.	4,83 д.	—	4,83 д.
1880 »	3,55 »	0,27 д.	3,82 »
1900 »	2,59 »	0,46 »	3,05 » [1])

Земельное обезпеченіе понизилось для крестьянства на 37%. Если бы этотъ процессъ сопровождался постепенной интенсификаціей, то бѣда не была бы столь велика, но въ силу вышеуказанныхъ причинъ ничего подобнаго не происходило. По сборамъ съ десятины Россія и понынѣ стоитъ въ самомъ хвостѣ европейскихъ странъ:

Въ Бельгіи	сборъ	съ	десятины.	119,2	пуда.
» Англіи	»	»	»	114,4	»
» Германіи	»	»	»	66,9	»
» Франціи	»	»	»	71,8	»
» Россіи	»	»	» . . . . . средн.	30,5	» [2]).

Не помогаетъ нашей родинѣ даже хваленая интенсивность труда мелкаго собственника, будто бы обусловливающая высокіе урожаи во многихъ уголкахъ Западной Европы. При всемъ напряженіи крестьянскихъ силъ, урожаи на ихъ земляхъ ниже, чѣмъ на помѣщичьихъ (конечно, тутъ одной изъ причинъ является выдѣленіе крестьянамъ худшихъ по плодородію земель, но имѣетъ мѣсто и высшая сельскохозяйственная техника помѣщичьихъ угодій).

Процессъ капитализированія кустарныхъ промысловъ въ свою очередь сокращалъ внѣземледѣльческіе крестьянскіе источники дохода. Итакъ, земля и земледѣльческія работы оказались единственнымъ источникомъ существованія деревенскихъ пауперовъ. Сколько-нибудь значительнаго отлива излишковъ на окраины нельзя было ожидать въ виду слабой постановки дѣла переселенія вообще и въ виду непомѣрной грандіозности этой задачи, разъ серьезно задуматься надъ ея разрѣшеніемъ.

Колонизація Сибири, Кавказа и Туркестана потребовала бы затраты сотенъ милл. рублей. Г. Кауфманъ высчиталъ, напр., что устройство каждой переселенческой

---

[1]) Работы «Комиссіи по оскуд. центральн. губ.», выше указан.

[2]) Озеровъ, ibid.

семьи въ Семирѣчьи на плодородной, но нуждающейся въ искусственномъ орошеніи землѣ, должно обходиться отъ 500 до 1.500 рублей. Правда, правительство, не совсѣмъ доброжелательно во имя интересовъ крупныхъ аграріевъ смотрѣвшее на переселеніе, и тутъ спѣшило тормозить естественный процессъ административной опекой и проволочками. Какъ бы то ни было, фактъ остается тотъ, что максимальный $^0/_0$ поглощенія естественнаго прироста русскаго населенія колонизаціей едва достигаетъ 6 съ лишнимъ. Вотъ данныя за 16 лѣтъ [1]).

Переселилось:			Назадъ вернулось.
1886—90 г.	1891—95 г.	1896—1900 г.	1895—1901 г.
107.154	353.089	738.378	153.361
Естеств. приростъ въ тысяч.			
6.011	5.269	7·593	

Дальнѣйшее развитіе переселенія въ большихъ размѣрахъ требуетъ авансированія большихъ суммъ.

Повидимому, Крестьянскій банкъ, основанный въ 1883 г. долженъ былъ удовлетворить насущной нуждѣ деревенскаго люда. Дѣйствительно, если взять суммарно итоги дѣятельности банка за 20 лѣтъ, то мы увидимъ, что съ его помощью крестьянское сословіе увеличило свои земельныя владѣнія болѣе, чѣмъ на 7 м. дес. Но стоитъ разложить эту сумму по состоятельности покупателей, и мы оцѣнимъ по достоинству роль банка. Наибольшую услугу оказалъ послѣдній «имущимъ» деревенскимъ группамъ; состоятельные крестьяне жадно старались урвать въ свою пользу изъ выбрасываемыхъ на рынокъ дворянскихъ владѣній самые жирные, лакомые куски. О характерной связи неурожая съ крестьянскими земельными пріобрѣтеніями, мы говорили выше; теперь же отмѣтимъ слѣдующее. Цѣны на землю во время развившейся земельной горячки быстро росли и, наконецъ, достигли высоты, совершенно недоступной пауперу даже при самомъ снисходительномъ отношеніи къ нему кредитныхъ учрежденій. Средняя покупная цѣна десятины въ 1896 г. составляла—49 р., въ 1902 г.—

[1]) «Труды Особаго Совѣщ.», ibid.

108 р. [1]). Въ промежутокъ времени съ 1891 г. по 1895 г. изъ общаго фонда, пріобрѣтеннаго крестьянами съ помощью Крестьянскаго банка, на долю безземельныхъ пришлось всего 11,6% [2]).

И эти владѣнія отличаются наибольшей неустойчивостью. Самый демократическій способъ пріобрѣтенія—обществами—въ то же время и самый слабый по размѣрамъ и по прочности.

Итоги дѣятельности Крестьянскаго банка являются блестящимъ подтвержденіемъ совершающагося въ области земледѣлія процесса капитализированія. Деревенскіе пауперы превосходно поняли характеръ помощи подобныхъ кредитныхъ операцій: о банкѣ они говорятъ не иначе, какъ съ раздраженіемъ. Поразительно легкомысленъ шагъ правительства, попытавшагося въ одномъ изъ послѣднихъ манифестовъ поманить народъ опять тѣмъ же Крестьянскимъ банкомъ.

Расширеніе крестьянскаго землепользованія шло и въ другую сторону: за невозможностью прикупить земли надо было ее арендовать. Вотъ тутъ-то крестьянинъ и попадалъ въ чисто кабальныя отношенія, питаемыя всѣми пережитками сословнаго строя, поддерживаемыя нагайкой, розгой, сборщикомъ податей и... рыночными условіями. Землевладѣлецъ, пользуясь своими соціально-правовыми привилегіями, дѣлалъ изъ арендатора настоящаго «вѣрнаго» работника. Излюбленной формой обезпеченія рабочей силой даже высоко въ техническомъ отношеніи поставленныхъ экономій является сдача земли въ аренду сосѣднимъ крестьянамъ за отработки. Положеніе 61 г. позаботилось о томъ, чтобы обезпечить помѣщику такихъ невольныхъ арендаторовъ и недостаточностью крестьянскихъ надѣловъ, и расположеніемъ угодій. Въ результатѣ—«условія» (терминъ капиталистическаго характера), подобныя нижеслѣдующему: въ Константиноградскомъ уѣздѣ крестьяне взяли подъ посѣвъ землю и обя-

---

[1]) Въ покупкахъ отдѣльными крестьянами въ 1896 г. — 56 р., въ 1902 г.—134 р. См. «Аграрный вопросъ», Сб. статей. М. 1905 г., стр. 182.

[2]) «Очерки по крест. вопросу», подъ редакц. Мануилова. М. 1905 г. в. II. Ст. Скалона, стр. 1.

зались за каждую десятину убрать 1 1/3 десят. экономическаго хлѣба, «какой будетъ указанъ»; на работу «должны являться по первому требованію, косить низко, вязать въ снопы туго, загребать чисто, складывать въ копны тѣсно, уборку во время дождя и росы пріостанавливать». При несоблюденіи хоть одного изъ перечисленныхъ условій, «подписка считается нарушенной хлѣбъ, крестьянскій (съ арендуемой земли) остается въ пользу экономіи» [1]). Кто, нанявъ землю, откажется отъ нея, платитъ 10 руб. неустойки. Въ этой затхлой атмосферѣ, пропитанной гнуснѣйшей эксплоатаціей деревенской нищеты, пауперъ шагу не можетъ сдѣлать, чтобы его не постигла тяжелая кара. Не нужно забывать, что всѣ эти многочисленныя условія «мужикъ» обязанъ выполнять съ почтительнымъ поклономъ въ сторону владѣльца имѣнія и его присныхъ.

При денежной арендѣ положеніе мелкаго съемщика вовсе не улучшается значительнымъ образомъ: безобразно вздутыя цѣны не оплачиваютъ даже заработной платы крестьянина по самой низкой оцѣнкѣ. Не угодно ли взглянуть на экономическіе результаты крестьянской аренды по Орловскому уѣзду: вся арендованная пашня (въ переводѣ на деньги) даетъ 360.369 р. валового дохода; изъ этой суммы на арендную плату приходится — 245.871 р. За вычетомъ расходовъ на сѣмена и удобренія остается крестьянамъ всего 25.965 р., между тѣмъ какъ расходъ по инвентарю, сложенный со среднею заработной платою, составилъ бы 177.695 р. Мужику отъ аренды (конечно, бѣдному) остается «одна солома»—таковъ выводъ деревенской голи.

Обиженный и загнанный, помыкаемый всякимъ безграмотнымъ урядникомъ и не менѣе безграмотнымъ земскимъ начальникомъ, фактически крѣпостной для государства, помѣщика и деревенскаго кулака, подневольный міра,—деревенскій пауперъ всѣ мысли свои сосредоточилъ на землѣ и средствахъ «ее раздобыть». За неимѣніемъ законныхъ, онъ перешелъ къ незаконнымъ. Хищническая экономическая политика государства, предоставляя всѣ средства развиваться хищнической капиталистической эксплоатаціи массы

---

[1]) «Очерки по кр. вопросу», ст. Мануилова, стр. 129, 148.

населенія, дѣлала изъ мужика общаго раба, общаго крѣпостного. Рабъ возмутился и сталъ разбивать цѣпи. Во имя его укрощенія сжигаются ветхія крестьянскія избы, насилуются крестьянскія жены и дочери. И, тѣмъ не менѣе, само правительство вынуждено такъ или иначе разбирать аграрный вопросъ «по существу».

VI.

Позиція деревенскихъ пауперовъ, борющихся за улучшеніе своего быта, намъ кажется довольно ясной; приходится удивляться тѣмъ узорамъ, какіе расписываются на фонѣ этого движенія возродившимися народниками. Значительная часть крестьянъ—недоѣдаетъ; далекая отъ соціалистическихъ идеаловъ, она всегда жаждала и жаждетъ расширить и упрочить свои индивидуальныя хозяйства. Развѣ община заключала въ себѣ хоть какой-либо намекъ на соціалистическое производство? Развѣ она была способна поддержать и развить мыслимое даже въ рамкахъ капиталистическаго хозяйства кооперативное движеніе? Общинное владѣніе землей и подворное съ принудительнымъ сѣвооборотомъ представляетъ собой арену безпощадной междоусобной войны разнородныхъ по экономическимъ силамъ мелкихъ собственниковъ. Во время передѣловъ съ очевидностью выступали наружу эгоистическія тенденціи: изъ-за каждаго вершка цѣнной земли люди упорно боролись, малоцѣнные и неудобные участки старались свалить другъ на друга. Какъ извѣстно, русская община не представляетъ собою пережитка первобытной коллективной собственности, а является продуктомъ фискальной политики: о какомъ же соціалистическомъ «духѣ» можно говорить при такихъ условіяхъ? Съ другой стороны, индивидуальное хозяйство крестьянина, его мечта—не могла получить нормальнаго развитія подъ гнетомъ «тягла»: не говоря уже о величинѣ послѣдняго, лучшая обработка почвы, переходъ къ высшей культурѣ былъ невозможенъ, ибо требовалъ согласія всего «міра». Общее пастбище заставляло каждаго члена общины или деревни придерживаться традиціоннаго трехполья.

Могучій тормозъ интенсификаціи земледѣлія, община и все ей родственное могли питать главнымъ образомъ антигуманныя, антиобщественныя чувства у деревни. Замѣчательно мѣтко г. Вересаевъ обрисовалъ въ разсказѣ «Лизаръ» психологію стараго крестьянина, жалующагося на излишнее размноженіе мужиковъ и призывающаго на ихъ головы войну и болѣзни. Поскольку въ деревнѣ замѣчается переходъ къ болѣе интенсивной системѣ, постольку индивидуализмъ ярче выступаетъ наружу. Имѣются тысячи свидѣтельствъ, что крестьяне не желаютъ пускать въ мірской оборотъ своихъ клочковъ, болѣе тщательно обработанныхъ и засѣянныхъ какимъ-либо новымъ растеніемъ [1]). Отъ внимательнаго наблюдателя не могло ускользнуть и слѣдующее, поразительное на первый взглядъ, явленіе: въ очень многихъ мѣстахъ крестьяне лучше обрабатываютъ арендуемую землю, чѣмъ надѣльную, и мотивами выставляютъ то соображеніе, что арендованная земля въ теченіе извѣстнаго промежутка времени всецѣло находится въ ихъ распоряженіи, тогда какъ надѣльная зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ всей деревни (общая толока, возможность потерять данный участокъ при частичномъ передѣлѣ). Антитеза индивидуалистическаго характера крестьянскаго хозяйства и коллективнаго правообладанія землей порождаетъ иногда такія чудовищныя комбинаціи, что въ силу большой узкости полученныхъ на долю полосокъ, крестьяне ихъ вовсе не обрабатываютъ: негдѣ повернуться съ лошадью! При громадномъ относительномъ безземельи остаются невоздѣланными довольно значительныя площади земли! Если бы у общинниковъ были хоть мало-мальски развиты не то что соціалистическія, а просто кооперативныя тенденціи, они нашли бы выходъ изъ страннаго положенія—въ видѣ общей запашки. Вѣроятно, такая мысль и появляется, но тогда встаетъ вопросъ о раздѣлѣ продуктовъ: индивидуалистически-настроенные крестьяне—при разнородности инвентарныхъ и трудовыхъ силъ—не справились бы съ задачей распредѣленія. Подобныя картинки встрѣчаются въ

---

[1]) См. интересную книгу Бажаева: «Крест. травопольн. хозяйство въ нечерноземной полосѣ Евр. Россіи». М. 1900 г.

Саратовской и др. губерніяхъ, именно тамъ, гдѣ вслѣдствіе излишка деревенскаго населенія норма душевого надѣла страшно понизилась. Какъ при такихъ условіяхъ не думать крестьянину о расширеніи своего землепользованія?

Но—подчеркиваемъ—въ основѣ всѣхъ этихъ мечтаній лежитъ индивидуалистическая хозяйственная психика. Дабы не расширять своей брошюры обильными справками, сошлемся въ этомъ случаѣ на г. Туганъ-Барановскаго. Въ своей книжкѣ «Земельная реформа», планируя возрожденіе крестьянства, авторъ замѣчаетъ: «Нашъ крестьянинъ—далеко не пролетарій; у него есть с в о е х о з я й с т в о (курсивъ нашъ), которое онъ страстно любитъ и съ которымъ онъ можетъ разстаться только подъ давленіемъ крайней необходимости... Мечтой, но мечтой несбыточной нашего крестьянина является зажиточное собственное, самостоятельное хозяйство. Для этого у него есть рабочія руки, но не хватаетъ самаго главнаго—земли»[1]). И далѣе: «Народное сознаніе имѣетъ свои права. Можно не сочувствовать мелкому крестьянскому хозяйству и признавать высшей формой производства свободную ассоціацію производителей; но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что для массы трудящагося земледѣльческаго люда идеаломъ является въ настоящее время собственное самостоятельное хозяйство, своя корова и своя лошадь, свой домъ и с в о е п о л е» (курсивъ нашъ)[2]). «Съ этимъ нужно считаться и столь ясно выраженной народной волѣ нельзя не подчиняться».

Съ такимъ мнѣніемъ г. Туганъ-Барановскаго можно, конечно, спорить (чего только при желаніи можно не оспаривать?), но мы считаемъ поставленный имъ діагнозъ крестьянскаго общественно-экономическаго «настроенія» совершенно правильнымъ, и съ нимъ долженъ согласиться всякій, знакомый съ русскимъ крестьяниномъ не по картинкамъ, а въ дѣйствительности. Какъ мирится съ этой индивидуалистической психикой крестьянина предлагаемое г. Туганъ-Барановскимъ уравнительное (передѣлы черезъ 12 лѣтъ) земле-

---

[1]) Туганъ-Барановскій: «Земельная реформа», Спб., 1905 г., стр. 144—5.

[2]) Ibid., стр. 204.

пользованіе, мы оставляемъ на совѣсти его научной логики. Мы считаемъ вполнѣ естественнымъ, что доведенный до отчаянія голодовкой—мелкій собственникъ хочетъ сдѣлаться болѣе крупнымъ, тѣмъ болѣе, что видитъ вокругъ себя много земли, принадлежащей ненавистному для него помѣстному классу. Смыслъ аграрнаго движенія—не установленіе новаго, болѣе справедливаго типа землепользованія, а переведеніе оставшагося земельнаго помѣщичьяго фонда въ распоряженіе бѣднаго земледѣльца. Популярность лозунговъ «націонализаціи земли, соціализаціи и т. п.» (если они дѣйствительно обладаютъ этой популярностью), общераспространенность формулировки: «земля—Божья»—мы объясняемъ тѣмъ обстоятельствомъ, что эти мало опредѣленные термины обнимаютъ собою истинныя намѣренія крестьянъ. Кромѣ того, подобныя формулировки падаютъ на исторически подготовленную почву,—но не въ смыслѣ, желательномъ для народниковъ. И московская Русь, и русская имперія Петра Великаго пріучила все населеніе смотрѣть на себя, какъ на «государевыхъ» людей. Къ служенію государству были призваны всѣ сословія; дворяне только потому владѣли помѣстьями, что обязывались служить государю либо на военной, либо на гражданской службѣ; «черные» люди пахали землю тоже не столько ради себя, сколько «на государя»; послѣ Петра совершается крупный переломъ, идущій въ разрѣзъ съ прочно установившимися традиціями: дворянство освобождается отъ «тягла», но за дворянами оставляются помѣстья въ ихъ собственность, вмѣстѣ съ приписанными къ нимъ крестьянскими душами. Крѣпостное право потеряло государственный характеръ и превратилось въ частное. Народъ не могъ примириться съ подобнымъ положеніемъ; потоками крови былъ залитъ пожаръ Пугачевскаго бунта,—но въ глубинѣ народнаго самосознанія осталась прочно мысль о полной несправедливости освобожденнаго отъ обязательной повинности дворянскаго землевладѣнія. «Зачѣмъ дворянамъ земля—они служатъ и получаютъ жалованье; а мы только съ помощью земли можетъ исполнять повинности предъ царемъ»—такого рода разсужденія вы встрѣтите въ каждой деревнѣ. Землю надо снова пустить въ оборотъ, совершить перераспредѣленіе земельной соб-

ственности, говорятъ крестьяне, земля должна отойти къ лицамъ, ее обрабатывающимъ; во всемъ этомъ слышится отголосокъ екатерининской драмы.

Среди разнообразныхъ варіантовъ на тему, какую землю нужно экспропріировать и на какихъ условіяхъ, самымъ распространеннымъ—если мы не ошибаемся—является слѣдующій: дворянскія земли, родовыя имѣнія, перешедшія по праву наслѣдованія, должны быть конфискованы безъ всякаго вознагражденія, ибо онѣ перешли дворянамъ не по праву, «задаромъ»; что же касается купленныхъ земель, то предполагается ихъ или совсѣмъ не трогать (особенно купчую крестьянскую собственность) или при необходимости экспропріировать вернуть владѣльцу затраченный на покупку капиталъ. Сложныя земельныя отношенія, создавшіяся въ процессѣ хозяйственной эволюціи, конечно, сильно затемняютъ это простое положеніе; гдѣ на глазахъ крестьянской массы покупка земель носила слишкомъ ясные слѣды эксплоатаціи нищеты, представляла собой плохо скрытый обманъ, тамъ крестьяне считаютъ справедливымъ конфисковать и подобныя земельныя пріобрѣтенія; при хорошихъ отношеніяхъ къ помѣщику находятъ даже извѣстное оправданіе его «родовой» земельной собственности. Однако, врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что вышеприведенная формулировка аграрныхъ требованій деревни—наиболѣе распространенная. Крестьянинъ, видя, какъ изъ его среды выдѣляются буржуазные элементы, и самъ мечтая сдѣлаться имъ подобнымъ, вообще говоря, уважаетъ капиталъ. Нерѣдко приходится слышать отъ крестьянъ, настаивающихъ на конфискаціи дворянскихъ имѣній, въ отвѣтъ на вопросъ, а что дѣлать съ кредиторами по ипотекамъ, заявленіе, что ихъ надо удовлетворить, нужно изыскать суммы на покрытіе ипотечныхъ долговъ.

Если бы крестьянинъ представлялъ собою настоящаго пролетарія, а не подневольнаго, фактически пролетаризированнаго паупера, онъ могъ бы дать себѣ отчетъ въ сути экономической эксплоатаціи, онъ не преклонялся бы передъ крестьянской земельной собственностью. А что дѣло обстоитъ такъ, по нашему мнѣнію, видно даже изъ «Протокола учредительнаго съѣзда Всероссійскаго Крестьянскаго Союза».

Въ рѣчахъ г.г. участниковъ съѣзда были представлены различныя міровоззрѣнія; говорилось и о томъ, что нужно совсѣмъ уничтожить частную собственность на землю и отдавать послѣднюю тѣмъ, «кто будетъ ее обрабатывать трудами своей семьи» [1]). Самымъ, однако, характернымъ моментомъ, лейтъ-мотивомъ засѣданія—нам представляются нападки именно на помѣщичью земельную собственность. Представитель Харьковской г. говоритъ слѣдующее: «Было бы справедливымъ, если кто работаетъ, тотъ и пожинаетъ плоды своихъ трудовъ, а кто празднуетъ, тотъ и голодаетъ. На самомъ же дѣлѣ, у насъ иначе—работающій голодаетъ, а праздный ведетъ привольную жизнь. Это оттого, что земля, даръ Божій, захвачена помѣщиками (курсивъ нашъ), которые вслѣдствіе этого и пользуются нашимъ трудомъ. Нужно бороться съ этимъ, нужно требовать крестьянамъ земли» [2]). Въ Харьковской губ., кромѣ помѣщиковъ дворянскаго происхожденія, есть и обширныя казацкія земли, есть и крестьянскія частныя владѣнія; при взглядѣ на землю, какъ на «даръ Божій»—весьма кстати было бы упомянуть и о нихъ. Но совершенно естественно, фатально крестьянинъ совершаетъ нападки только на помѣщичью собственность, которая кажется ему простымъ, незаконнымъ вычетомъ изъ крестьянской. И стоило только одному изъ представителей нѣсколько обобщить экспропріацію помѣщичьей земли, заговорить о необходимости уничтоженія всякаго частнаго землевладѣнія, какъ крестьяне заволновались и провели рѣзкую грань между своей и помѣщичьей собственностью. Представитель Владимірской губ. первый сказалъ: «Безправіе не такъ еще рѣзко чувствуется крестьянами, какъ земельная голодовка. Необходимо отмѣнить частную земельную собственность и передать землю тѣмъ, кто ее будетъ обрабатывать трудами своей семьи». Тутъ начинается въ высшей степени интересный обмѣнъ мнѣній. Представитель Вологодской губ.: «Уничтоженіе частнаго землевладѣнія необходимо, но вопросъ этотъ чрезвычайно

---

[1]) «Протоколъ учредит. съѣзда Всерос. Крестьянскаго Союза», Спб., 1905 г., стр. 26.

[2]) Ibid., стр. 6—7.

сложный, какую частную земельную собственность слѣдуетъ отмѣнить. Входятъ ли въ это и купчія крестьянскія земли? Затѣмъ — должны ли земли отойти безъ вознагражденія? Слѣдуетъ ли установить общія законодательныя нормы условій выкупа или предоставить дѣло отдѣльнымъ частнымъ соглашеніямъ?» [1]). Вотъ что называется — нащупать главный нервъ, попасть въ больное мѣсто! 4-ый представитель Курской губ., только и думающій, что о помѣщичьей землѣ, громогласно заявляетъ: «Никакого выкупа за землю не нужно. Будетъ и того, что Александръ II взялъ большія деньги изъ банка и далъ помѣщикамъ. Скорѣе съ помѣщиковъ надо взять выкупъ за то долгое время, которое они владѣли землей». Все это замѣчаніе—голый крикъ ненависти. Внѣ всякаго сомнѣнія, г. представитель смѣшиваетъ самымъ основательнымъ образомъ частное землевладѣніе съ дворянскимъ и, давая волю сердцу, дѣлаетъ даже нераціональныя предложенія: какъ въ самомъ дѣлѣ взять выкупъ съ помѣщиковъ, не обладающихъ надлежащимъ запасомъ движимаго имущества? Поставить на общественныя работы, что ли? Однако, эта нераціональная формула превосходно вскрываетъ суть аграрнаго движенія; земельная реформа должна заключаться въ изгнаніи изъ деревни ненавистнаго дворянскаго сословія. Если помѣщичья собственность—несправедлива, то крестьянская—вполнѣ оправдываема. Второй представитель Курской губ. заявляетъ: «Частныя земли надо различать: онѣ имѣются не только у помѣщиковъ, но и у крестьянъ. Однимъ земля досталась даромъ или же за безцѣнокъ, а другіе купили землю на свои кровныя, трудовыя деньги, можетъ только вчера. Нужно дать за землю скромное вознагражденіе».

Первый представитель Черниговской губ. выражается еще болѣе умѣренно: «Безъ выкупа нельзя взять частное землевладѣніе. Кромѣ земли есть и другіе виды недвижимаго имущества, есть фабрики и дома. Мы не можемъ ихъ теперь же отчудить, объ этомъ и мечтать пока нельзя, нельзя поэтому и частновладѣльческія земли отобрать безъ выкупа... Не нужно доктринъ націонализаціи и соціализа-

[1]) «Протоколъ», стр. 26.

ціи. Это будетъ только отпугивать отъ насъ массу народа, это—непрактично. Я знаю деревню,—вездѣ народъ стремится къ землѣ, но въ то же время стремится не обидѣть» [1]).

Пересмотрите внимательно рѣчи представителей—и вы увидите, что они, собственно говоря, только и трактуютъ о помѣщикахъ-дворянахъ. «Родовыя имѣнія отбирать безъ выкупа»... «Нужно выдѣлить разныхъ Юсуповыхъ, Шереметевыхъ и у нихъ отобрать всю землю безъ выкупа...» Мы почти увѣрены въ томъ, что выраженіе «частная земельная собственность» для большинства членовъ съѣзда была синонимомъ «помѣщичьей собственности». Всѣ жестокія схватки по вопросу о выкупѣ направлены именно въ эту сторону. Представитель Московской губ. весьма откровенно и прямолинейно заявилъ слѣдующее: «Разговоръ о выкупѣ меня возмущаетъ. Предлагаютъ платить деньги помѣщикамъ (о другихъ категоріяхъ земельныхъ собственниковъ г. представитель какъ будто и забылъ!), которые въ видѣ земцевъ или чиновниковъ устраиваютъ въ народной жизни скачку съ препятствіями. Мы столько уже платили за эту самую землю, наши бабушки своимъ молокомъ борзыхъ щенятъ выкармливали. Уже самый разговоръ о выкупѣ—это сдѣлка... Я не могу сосчитать бочекъ нашей крови, которую мы уже пролили. Встань, проснись, пахарь! Разогни свою спину, поднимись на враговъ и бери дубину» [2]).

Итакъ, отобрать у помѣщиковъ (дворянъ) землю и передать ее малоимущимъ крестьянамъ—основной смыслъ аграрнаго движенія. Пользованіе отобранными землями предполагается индивидуальное.

Мы не знаемъ, понимаютъ ли крестьяне, что уничтоженіе земельной собственности влечетъ за собою экспропріацію и надѣльной земли; вѣроятно, не вполнѣ, или по крайней мѣрѣ надѣются получить въ обмѣнъ несравненно болѣе значительную площадь. Мы считаемъ необыкновенно характернымъ въ этомъ отношеніи мнѣніе горячаго противника частной земельной собственности г. Пѣшехонова, ко-

---

[1]) «Протоколъ», стр. 27.

[2]) Ibid., стр. 32.

торый послѣ жаркихъ строкъ въ пользу націонализаціи земли вдругъ заявляетъ: «теперешнія надѣльныя и купчія земли, если крестьяне сами на нихъ работаютъ, должны, конечно, остаться въ ихъ пользованіи» [1]). Почему г. Пѣшехоновъ это допускаетъ, для насъ вполнѣ понятно: земля представляется крестьянамъ и х ъ собственностью; «Божій даръ» допускаетъ усвоеніе его только крестьянами. Все аграрное движеніе надо разсматривать черезъ призму крестьянскаго и н д и в и д у а л ь н а г о хозяйства. Деревенскіе обитатели все время вращаются въ его рамкахъ и мыслятъ только о немъ. Попробуйте при такихъ условіяхъ націонализировать земельный фондъ изъ надѣловъ—и вы вскроете индивидуалистическіе инстинкты «трудового мужика».— Поскольку рѣчь идетъ объ изъятіи изъ частнаго (читай: помѣщичьяго) владѣнія оставшейся части земель, процессъ этотъ имѣетъ громадное общественно-политическое значеніе, помимо своего экономическаго эффекта. Реформа 61 года расшатала, но не вырвала съ корнемъ старый режимъ: нынѣшнее аграрное движеніе должно окончательно ликвидировать сословный строй. Трудно вливать новое содержаніе въ старые мѣхи: допустимъ, что устраненіе деревенскаго пауперизма было бы возможно посредствомъ урегулированія арендныхъ отношеній; однако, не говоря уже о трудности подобной регламентаціи, крестьянинъ все-таки становился бы въ непосредственныя обязательныя отношенія къ помѣщику—и сословная атмосфера не такъ бы скоро испарилась. При переходѣ же нужнаго для мѣстныхъ бѣдняковъ количества земли въ ихъ распоряженіе—сословная нить обрывается. Это нисколько не предупредитъ и не уничтожитъ дальнѣйшаго разслоенія деревни, но дифференціація будетъ протекать уже въ чисто-капиталистическихъ формахъ, безъ старыхъ пережитковъ, придающихъ злокачественный характеръ процессу.

Въ виду этого общественно-политическаго эффекта, знаменующаго собой «побѣдное шествіе капитализма»,— было бы слишкомъ мелочнымъ указывать на вредныя въ

---

1) А. В. Пѣшехоновъ: «Хлѣбъ, свѣтъ и свобода», Спб., 1906 г., стр. 13.

нѣкоторомъ отношеніи для данной минуты хозяйственныя послѣдствія «чернаго передѣла». Мы, конечно, должны признать, что разрушеніе прекрасно поставленныхъ помѣщичьихъ экономій (есть вѣдь и такія) составляетъ извѣстный минусъ въ ростѣ производительныхъ силъ страны; но разъ ослабленіемъ помѣстнаго элемента въ деревнѣ достигается разрывъ путъ, сковывавшихъ народное хозяйство, то слѣдуетъ аграрное движеніе признать элементомъ общественно-экономическаго прогресса Россіи.

VII.

Предыдущимъ опредѣляется наше отношеніе къ различнымъ проектамъ націонализаціи или соціализаціи земли (что—по существу—одно и то же). Врядъ ли кто станетъ оспаривать, что крестьянское хозяйство вдвинуто въ мѣновой оборотъ, что оно тысячами нитей уже связано съ національнымъ и международнымъ рынками. Трудно также настаивать на однородности деревенскаго населенія: процессъ его экономическаго разслоенія слишкомъ очевиденъ. Сельско-хозяйственный пролетаріатъ растетъ и въ явномъ, и въ скрытомъ видѣ. Экономическая концентрація имуществъ идетъ въ деревнѣ быстрыми шагами впередъ; какъ мы уже знаемъ, юридическіе признаки концентраціи могутъ отсутствовать. Принудительная обработка земли тормозитъ развитіе производительныхъ силъ и вызываетъ протестъ именно у менѣе состоятельной части деревни; кулакамъ и міроѣдамъ община на руку, такъ какъ облегчаетъ эксплоатацію сосѣдей. Деревенскій пауперъ мечтаетъ только о расширеніи и увеличеніи своего *частнаго* хозяйства. На первыхъ порахъ, пока еще помѣщичью землю надо *завоевать*, его вожделѣнія могутъ покрываться туманно-соціалистическимъ флеромъ, въ родѣ лозунговъ уничтоженія земельной собственности, признанія ея Божіей и т. д. Но когда дѣло дойдетъ до реализаціи завоеваннаго, до его раздѣла,—здѣсь обнаружатся всѣ скрытыя пружины движенія.

Признавая громадную важность аграрнаго движенія, мы тѣмъ не менѣе не должны закрывать глазъ на предстоящія

затрудненія. Борьба цѣлыхъ уѣздовъ и даже губерній противъ помѣщиковъ, пока дѣло не доходитъ до реализаціи пріобрѣтеннаго, ведется дружно и согласно. Съ момента запашки начнутся разногласія: различныя деревни станутъ предъявлять свои права на тотъ или другой участокъ въ цѣломъ или въ его частяхъ. Грядущія распри ясно видны изъ постановленій сходовъ, въ родѣ такого: «Крестьяне постановили землю помѣщиковъ (такихъ-то)... объявить собственностью крестьянъ Графчинской волости». Весьма вѣроятно, что другія—смежныя волости—тоже предъявятъ свои претензіи. Нерѣдки такія заявленія помѣщикамъ, бесѣдующимъ съ крестьянами по поводу возможнаго уничтоженія ихъ экономій: «не бойтесь! Мы не позволимъ крестьянамъ другихъ деревень уничтожать вашей экономіи: вѣдь она—наша, намъ отойдетъ».

Дѣлежъ земли между односельчанами въ свою очередь вызоветъ столкновенія. Разнородность соискателей скажется со всей силой. И чѣмъ болѣе неопредѣленный характеръ будетъ носить земельное пріобрѣтеніе крестьянъ (напримѣръ государственный или «муниципальный» земельный фондъ), тѣмъ эта борьба будетъ длительнѣе. Въ результатѣ все же произойдетъ распредѣленіе. Голодный пауперъ накормитъ себя и свою семью, но хозяйственную самостоятельность удастся получить немногимъ: вѣдь голое владѣніе землей еще не даетъ экономической устойчивости, нуженъ инвентарь, нуженъ выгодный кредитъ. Процессъ капитализированія деревни, какъ и всей русской экономики, будетъ совершаться быстро и безпрепятственно: подъемъ покупательныхъ силъ массы населенія, безъ сомнѣнія, дастъ этому процессу могучій толчокъ. Индустріальное населеніе станетъ быстро расти на счетъ земледѣльческаго; ростъ же классового пролетарскаго самосознанія, главный raison d'être существованія пролетарской партіи, позволитъ прочно отдѣлить процессъ пауперизаціи отъ процесса пролетаризаціи.

Такъ намъ представляется экономическое развитіе Россіи въ ближайшемъ будущемъ. Правильны ли наши предположенія или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ мы не думаемъ, чтобы различные планы націонализаціи земли соотвѣтствовали какъ хозяйственнымъ устоямъ страны, такъ и смыслу аграр-

наго движенія. Признаемся, что проекты Джорджа намъ кажутся гораздо болѣе понятными, чѣмъ русскія народническія мечтанія. Джорджъ убѣжденъ въ гармоніи капитала и труда, все зло усматриваетъ только въ частной земельной собственности. Предполагая поглотить «единымъ налогомъ» земельную ренту, Джорджъ понимаетъ, что такой мѣрой широко раскрываетъ двери передъ капиталомъ: несвязанный земельной монополіей, послѣдній широкими струями можетъ вливаться въ земледѣліе. Труду врядъ ли удастся самостоятельно обрабатывать землю; прилагать его будетъ капиталистъ. Но такъ какъ, по мнѣнію Джорджа, между заработной платой и прибылью нѣтъ никакого антагонизма, то дѣло устроится къ всеобщему удовольствію. Джорджъ—не врагъ, но апологетъ капитализма. Сторонники націонализаціи земли въ Россіи стоятъ, конечно, на другой точкѣ зрѣнія: они дѣлаютъ весьма существенную прибавку, говоря, что изъ національнаго фонда земля будетъ выдаваться только «трудящемуся лично человѣку». Этимъ, дѣйствительно, какъ будто дается отпоръ капиталу; ниже мы покажемъ, что этотъ отпоръ—только кажущійся. Не обвиняя, такимъ образомъ, сторонниковъ націонализаціи въ буржуазности, какъ это мы смѣло можемъ сдѣлать по отношенію къ Джорджу, мы подчеркиваемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, особенную трудность реализаціи ихъ истинныхъ намѣреній.

Уничтоженіе монополіи земельной собственности для Джорджа есть коренное разрѣшеніе соціальнаго вопроса. Русскіе народники достаточно знакомы съ научнымъ соціализмомъ, чтобы утверждать нѣчто подобное. Но, какъ и ихъ отцы, они боятся пролетаризаціи крестьянства и прилагаютъ всѣ усилія, чтобы позволить народу «мысленно изжить стадію капитализма». Поэтому-то и производятся ожесточенныя нападки на «схему» Маркса. Начинаютъ, прежде всего, перечислять недостатки крупнаго землевладѣнія и преимущества мелкаго. Какъ будто бы Марксъ и его послѣдователи когда-либо умалчивали о темныхъ сторонахъ капитализма вообще и аграрнаго въ частности! Какъ будто капиталистическая «экономія» является идеальнымъ образцомъ хозяйства: къ чему бы тогда служилъ лозунгъ соціалистическаго производства? Развѣ весь капитализмъ

не зиждется на классовыхъ противорѣчіяхъ? Не кто иной, какъ Марксъ, сказалъ слѣдующее: «Крупная индустрія и индустріально поставленная крупная агрикультура дѣйствуютъ совмѣстно. Если въ началѣ онѣ отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что первая больше истощаетъ и разрушаетъ рабочую, а стало быть природную силу человѣка, а вторая—непосредственно природныя свойства почвы, то затѣмъ въ дальнѣйшемъ развитіи онѣ подаютъ другъ другу руки»... [1]). Значитъ—Марксу былъ извѣстенъ хищническій характеръ капиталистическаго земледѣлія! И мелкая, и крупная поземельная собственность страдаютъ неисцѣлимыми недостатками, послѣдніе могутъ быть устранены лишь въ соціалистическомъ хозяйствѣ. «Всякая критика мелкой поземельной собственности въ послѣдней инстанціи разрѣшается въ критику частной собственности, какъ преграды и помѣхи агрикультуры. Точно также и всякая критика крупнаго землевладѣнія» [2]). Но тотъ же Марксъ отмѣчаетъ такіе недостатки мелкаго, парцеллярнаго владѣнія землей, которые заставляютъ отнестись къ нему совершенно отрицательно. Крупная экономія является проводникомъ техническаго усовершенствованія, является организаторомъ производства; мелкая—пристанищемъ косности, темнымъ угломъ тягчайшаго труда, соединеннаго съ недоѣданіемъ.

Настаиваютъ на томъ, что трудъ мелкаго собственника гораздо интенсивнѣе, чѣмъ батрака; что въ силу этого нерѣдко урожаи въ мелкихъ хозяйствахъ выше, чѣмъ въ крупныхъ. И это утвержденіе имѣетъ эмпирическую почву подъ ногами. По даннымъ Аугагена, напр., въ одной ганноверской деревнѣ при одинаковомъ плодородіи почвы избытокъ сбора съ 1 гектара въ мелкомъ хозяйствѣ (размѣромъ 4,6 гект.) по сравненію съ крупнымъ (26,5 гект.) составлялъ на 1 гектаръ:

для бобовъ	. . .	10 цн.
» ржи	. . . .	8 »
» пшеницы	. . .	16 »

[1]) K. Marx: «Das Kapital», III-er Band, II-er Theil; Hamb., 1894, s. 348.
[2]) Ibid., s. 347.

для ячменя . . . 4 цн.
» свекловицы . . 76 »
» клевера . . . 50 » [1]).

И такой избытокъ, по мнѣнію изслѣдователя, создается болѣе интенсивнымъ трудомъ мелкаго собственника. По поводу его работы Аугагенъ выражается точно такъ же, какъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ Сисмонди [2]): «При взглядѣ на каждое поле можно признать, обработана ли свекловица рукой собственника или чужой... Наемный рабочій всегда при работѣ имѣетъ передъ своими глазами цѣль заработать возможно больше денегъ, обработать въ возможно кратчайшій срокъ возможно большее поле. Мелкій крестьянинъ и его семья при работѣ думаютъ преимущественно о жатвѣ, чтобы получить отъ возможно большаго количества растеній возможно высшій доходъ».

Сравнительно съ крупнымъ собственникомъ, мелкій имѣетъ массу преимуществъ въ своевременности и быстротѣ выполненія извѣстныхъ операцій: «если какое-либо опредѣленное время особенно благопріятно для выполненія какой-либо работы, какъ это бываетъ при большинствѣ работъ, то мелкое хозяйство путемъ ранняго вставанія и болѣе долгой (курс. нашъ)... и болѣе быстрой работы можетъ использовать это время лучше, чѣмъ крупное хозяйство, въ которомъ работники обыкновенно не хотятъ ни раньше вставать, ни работать дольше и скорѣе, чѣмъ въ другіе дни» [3]).

Затѣмъ, мелкое хозяйство можетъ выполнять много работъ, недоступныхъ крупному. «Такъ, напр., нѣсколько лѣтъ тому назадъ, свекловица въ Клауэнѣ чрезвычайно пострадала отъ чернаго жучка, который обыкновенно уничтожалъ сердцевину свеклы. Собственники крупныхъ хозяйствъ должны были смотрѣть на это бѣдствіе, не будучи въ состояніи отвратить его. Жены и дѣти мелкихъ кре-

---

[1]) Цитировано по Геркнеру: «Рабочій вопросъ», русск. пер. Спб. 1899 г., стр. 196—7.
[2]) Ibid., стр. 197.
[3]) Ibid., стр. 198.

стьянъ начали сейчасъ послѣ массоваго появленія жучковъ собирать ихъ и употреблять на кормъ курамъ. Многія свекловичныя поля крупныхъ землевладѣльцевъ были иногда пожираемы до тла, тогда какъ поля мелкихъ крестьянъ показывали нормальный ростъ» [1]). Подобныя же преимущества сказываются при подрѣзкѣ зеленыхъ частей слишкомъ пышно растущаго хлѣба, при жатвѣ, когда нужно слѣдить, чтобы зерно не высыпалось и т. п.

Рисуя подобныя картины, дѣйствительно имѣющія мѣсто въ жизни, забываютъ только разсказать, много ли благъ въ мѣновомъ оборотѣ очищается въ пользу прилежнаго хозяина! Оплатитъ ли рынокъ тяжкій трудъ крестьянина и его семьи по собиранію жучковъ со своей полоски, по предразсвѣтной косьбѣ и пр. Вѣдь мы живемъ въ условіяхъ не натуральнаго, а мѣнового хозяйства: если бы всѣ усилія мелкаго хозяина создавали блага для его непосредственнаго потребленія, тогда можно было бы лишь радоваться его прилежанію и обусловленной имъ урожайности парцеллы. Но вѣдь результаты крестьянскаго труда въ значительной своей части идутъ на рынокъ, а цѣны не считаются съ часами и днями крестьянской работы. Экономически выгоднѣе въ данный періодъ хозяйственной эволюціи развить массовое производство зерна съ помощью машинъ, искусственнаго удобренія и безъ свойственной парцеллѣ тщательной обработки земли. Фактамъ крушенія крупныхъ имѣній, фактамъ, прекрасно объясняемымъ условіями самого капиталистическаго хозяйства, мы противопоставляемъ, прежде всего, крайне низкую степень удовлетворенія потребностей мелкаго крестьянина, его почти что недостойное человѣка существованіе. Вотъ какъ жилъ французскій крестьянинъ въ 80-хъ гг.: «оконъ не было вовсе, а только двѣ форточки надъ дверью, которыя не открывались; не было ни свѣта, ни воздуха, когда дверь была закрыта. Не видно ни стола, ни скамьи; на полу лежали грязныя платья, лукъ, хлѣбъ, мѣшки и кучи сору. Почти всегда мужчины, женщины, дѣти и скотъ спятъ вмѣстѣ. И это отсутствіе комфорта не всегда вызывается бѣдностью,—эти люди просто

[1]) Ibid., Геркнеръ, стр. 199.

утратили всякое чувство пристойности и думаютъ только о сбереженіи топлива» [1]).

Если во главу угла оцѣнки крестьянскаго хозяйства поставить уровень жизни владѣльца, вопросъ о его жизни, а не «живучести», то придется сильно уменьшить свои восторги передъ «интенсивностью» его труда. Германскія данныя, какъ и всякія другія, говорятъ намъ мало утѣшительнаго. Изъ Эйзенаха, напр., сообщаютъ, что положеніе владѣльцевъ менѣе 5 ha—«въ общемъ мало благопріятно»; картофель представляетъ «главную составную часть ихъ пищи». Въ Саксоніи... «крестьянское хозяйство часто стоитъ не ниже по размѣрамъ чистой прибыли, такъ какъ менѣе высокій доходъ уравновѣшивается большею бережливостью, которая при данномъ очень низкомъ уровнѣ потребностей (курс. нашъ) часто доходитъ до того, что крестьянинъ-хозяинъ живетъ хуже промышленнаго рабочаго, ознакомившагося съ болѣе широкими потребностями [2]).

Весьма характерны сообщенія такого рода: пока крестьянинъ только работаетъ въ качествѣ наемника, положеніе его сносно; мученія начинаются съ того времени, какъ онъ пріобрѣтаетъ въ собственность клочекъ земли, всѣ свои небольшія силы онъ напрягаетъ, дабы отстоять хозяйственную «самостоятельность». Служанку, нанятую имъ, онъ вынужденъ содержать лучше, чѣмъ свою жену.

Вотъ интересныя показанія того же Аугагена объ одномъ крестьянинѣ дейтинъ-кронерскаго округа: «Онъ живетъ въ мазанкѣ, имѣющей 9 метровъ въ длину и $7^1/_2$ въ ширину. Посреди дверь, которая ведетъ прямо въ жилую комнату; эта комната служитъ спальней; въ ней спятъ мужъ, жена и четверо дѣтей. Изъ этой комнаты ходъ ведетъ въ маленькую кухню, а оттуда въ комнату служанки, единственнаго чужого лица въ домѣ. Послѣдняя комната—самая лучшая, потому что служанка справедливо хочетъ имѣть такую, какую ей дали бы въ другомъ мѣстѣ» [3]). Изъ Гессена пишутъ: «мелкій крестьянинъ влачитъ самое

[1]) Каутскій: «Аграрный вопросъ», стр. 124—5.

[2]) См. ст. Ленина: «Аграрный вопросъ и критики Маркса». Образованіе, 1906 г., II, стр. 191, 192.

[3]) Каутскій, ibid., стр. 128.

жалкое, какое только можно себѣ представить существованіе. Сельскимъ батракамъ живется гораздо лучше; по ихъ словамъ, они «не скрываютъ аппетита», живя на хозяйскихъ хлѣбахъ. Ихъ доходы меньше зависятъ отъ капризовъ погоды, исключая развѣ что въ плохіе годы пища хуже» [1]).

Если мелкому земельному собственнику приходится плохо, то и скоту его немногимъ лучше. Изъ того же Эйзенаха сообщаютъ, что «болѣе мелкіе хозяева употребляютъ отчасти для полевыхъ работъ слабосильныхъ коровъ» [2]). О жизни англійскаго фермера мы уже говорили въ началѣ нашей брошюры. Приведеннаго достаточно, чтобы оцѣнить по достоинству устойчивость крестьянскаго хозяйства.

При мѣновомъ оборотѣ высокая урожайность вовсе не является непремѣннымъ условіемъ успѣшности хозяйственнаго процесса для даннаго предпріятія, съ частно-экономической точки зрѣнія: вѣдь нерѣдко высокіе урожаи сопровождаются низкими цѣнами! И чѣмъ болѣе крестьянинъ выходитъ изъ натуральной экономики, тѣмъ яснѣе онъ это понимаетъ. Впрочемъ, какъ ни превозносятъ противники Маркса хозяйственныя преимущества мелкаго землевладѣнія, все же они рекомендуютъ парцеллярнымъ хозяевамъ объединяться во имя интенсификаціи хозяйства и созданія для себя благопріятной рыночной конъюнктуры; этими совѣтами логически упраздняется первая часть ихъ повѣствованія. Что бы, однако, ни говорилось о крестьянскихъ синдикатахъ, опытъ Зап. Европы показываетъ, что они не удаются въ формѣ производительныхъ ассоціацій; поскольку же синдикаты позволяютъ крестьянамъ создать для себя болѣе благопріятныя условія сбыта и покупки продуктовъ, они мало способны развивать «кооперативный» духъ, по крайней мѣрѣ— кооперативный въ соціалистическомъ смыслѣ этого слова. Крестьяне продолжаютъ оставаться въ предѣлахъ товарищества мелкихъ предпринимателей крайними индивидуалистами, ихъ мечтой является не какое-то туманное «трудо-

---

[1]) Ibid., стр. 126.

[2]) См. ст. Ленина: «Аграрный вопросъ и критики Маркса». Обр., 1906 г., II, стр. 191.

вое» хозяйство, а вполнѣ опредѣленное мелкобуржуазное довольство. Если послѣднее не достигается, мы передъ собой имѣемъ такихъ же пауперовъ, какъ и стоящихъ внѣ синдиката. Защитники мелкой собственности съ такою любовью говорятъ о «молочныхъ», «сыроваренныхъ» и др. союзахъ крестьянъ! Уже a priori можно было бы сказать, что если мы здѣсь имѣемъ дѣло съ концентраціей производства и обмѣна, то болѣе состоятельныя хозяйства, крупные оборотные капиталы—держатъ въ своемъ подчиненіи мелкихъ и обращаютъ въ свою пользу львиную долю выгодъ подобныхъ кооперацій. Германская промышленная перепись 1895 г. знакомитъ съ числомъ и размѣрами земледѣльческихъ хозяйствъ, участвующихъ въ товариществахъ по сбыту молочныхъ продуктовъ, и съ числомъ коровъ, отъ которыхъ каждый хозяинъ сбываетъ молочные продукты. Оказывается, что изъ крестьянъ, владѣющихъ до 2 гект. только 0,3% всѣхъ хозяйствъ принимаетъ участіе въ товариществахъ, а до 5 ha—3,4; изъ владѣющихъ же отъ 100 и б.—35,1%. 72% коровъ, молочные продукты которыхъ поступаютъ въ товарищества, принадлежатъ крупнымъ хозяйствамъ [1]). Ясно отсюда, кто получаетъ выгоду отъ такихъ кооперацій. Развитіе такого рода кооперацій, помимо всего прочаго, обрисовываетъ передъ нами процессъ централизаціи экономики, растущаго проникновенія капитала въ земледѣльческую сферу. Одинъ изъ представителей производства масла на съѣздѣ въ 1895 г. въ Любекѣ говоритъ: «всего двадцать лѣтъ отдѣляетъ насъ отъ того времени, когда было въ обычаѣ, чтобы каждый хозяинъ самъ выдѣлывалъ масло изъ молока своихъ коровъ. Теперь сдѣлалось общимъ правиломъ, чтобы даже небогатый хозяинъ, владѣющій одной или двумя коровами,—доставлялъ молоко въ кооперативную или центральную маслобойню»...

Приводя эти слова, г. Кржвицкій замѣчаетъ [2]): «...мы не касались совершенно параллельнаго роста размѣровъ хозяйствъ, занимающихся разведеніемъ коровъ. Пожалуй лишнее упоминать, что и тамъ замѣчается то же явленіе. Исторія вен-

---

[1]) Цит. по статьѣ Ленина, ibid., стр. 221—2.

[2]) Л. Кржвицкій: «Аграрный вопросъ», стр. 56—7.

герскихъ помѣстій, великаго эрцъ-герцога Фердинанда представляетъ собою краснорѣчивую иллюстрацію этого стремленія: въ 1850 г. въ этихъ помѣстьяхъ находилось 115 коровъ, въ 1895 г. число ихъ возросло до 2.657»...

Однимъ словомъ, изъ сельско-хозяйственныхъ кооперацій наибольшую выгоду извлекаютъ не парцеллярные крестьяне, а зажиточные; главное—торговые посредники, представители капитала. Если кооперація и приноситъ пользу крестьянамъ, то возлагать на нее большія надежды по переустройству экономики—не приходится. Печальная судьба «производительныхъ ассоціацій» въ томъ и заключается, что, вдвинутые въ мѣновой оборотъ, онѣ или быстро гибнутъ, или превращаются въ капиталистическія предпринимательскія товарищества, въ «волковъ, одѣтыхъ въ овечью шкуру», по выраженію Беатрисы Уэббъ. Поэтому съ гораздо большимъ основаніемъ можно обращать взоры къ другой формѣ кооперации—потребительнымъ товариществамъ, ростъ и устойчивость которыхъ обнаруживаетъ ихъ большую жизнеспособность. Всякій производитель, выступающій на рынокъ въ качествѣ продавца товара, одинъ ли или совмѣстно съ другими, долженъ такъ или иначе проникнуться предпринимательской психикой; развивая же кооперативныя формы на почвѣ потребленія, онъ, дѣйствительно, можетъ класть камни въ фундаментъ будущаго хозяйственнаго строя.

Мы не станемъ останавливаться на процессѣ развитія и упадка мелкаго землевладѣнія въ З. Европѣ; извѣстно, съ какой любовью учитывается противниками Маркса каждое вновь образовавшееся парцеллярное хозяйство, каждое крушеніе большой экономіи. Подробное разсмотрѣніе причинъ этихъ измѣненій слишкомъ удлинило бы нашу брошюру. Напомнимъ только объ одномъ. Крахъ нѣкоторыхъ крупныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ и вообще угнетенное положеніе западно-европейскаго сельскаго хозяйства объясняется дѣйствіемъ мировой конкурренціи; и если крахи крупныхъ фабрикъ и банковъ не свидѣтельствуютъ о превосходствѣ надъ ними ремесленныхъ мастерскихъ и небольшихъ ссудныхъ кассъ, то странно защищать подобной аргументаціей мелкое сельско-хозяйственное производство.

Между тѣмъ статистики à la Бернштейнъ, производя

свои подсчеты, упускаютъ изъ виду ясную тенденцію современнаго хозяйства, выражающуюся въ относительномъ и даже абсолютномъ уменьшеніи земледѣльческаго населенія.

Въ Германіи съ 1882 г. по 1895 г., несмотря на ростъ всего населенія, абсолютное число лицъ земледѣльческаго класса уменьшилось на 724.148:

Въ 1882 г.	Въ 1895 г.
19.225.445	18.501.307.
% ко всему населенію:	
42,5%.	35,7%.

Въ то же время число лицъ (съ зависимыми отъ нихъ) въ промышленности, горномъ и строительномъ дѣлѣ увеличилось на четыре слишкомъ милліона и составляло 39,1% въ 1895 г. сравнительно съ 35,5% въ 1882 г. [1]).

Во Франціи мы имѣемъ передъ собою тотъ же процессъ: земледѣльческое населеніе въ 1881 г. обнимало 18.279.209, а въ 1891 г. 17.436.888 [2]).

Въ Англіи, по словамъ Майо-Смита, «самое рѣзкое измѣненіе обнаруживается въ убыли числа лицъ, занятыхъ земледѣліемъ».

Общее число фермеровъ	въ	1881 г.	223.943.
»	»	» 1891 »	223.610.

«Убыль очень мала, но она сопровождается уменьшеніемъ числа сыновей или другихъ близкихъ родственниковъ фермера, живущихъ вмѣстѣ съ нимъ на фермѣ и фактически занимающихся земледѣліемъ. Число этихъ лицъ понизилось съ 75.197 въ 1881 г. до 62.287 въ 1891 г. Это—уменьшеніе на 10% слишкомъ, доказывающее, повидимому, внѣ всякаго сомнѣнія, что молодое поколѣніе менѣе склонно къ земледѣльческой жизни даже по сравненію съ такой недавней датой, какъ 1881 г.», говоритъ редакторъ матеріаловъ переписи. Чтобы еще ярче оттѣнить совершающійся процессъ, приведемъ данныя, касающіяся Соедин. Штатовъ.

---

[1]) Р. Майо-Смитъ: «Статистика и экономія», русс. пер. М., 1902 г., стр. 75.

[2]) Каутскій: «Аграрный вопросъ», стр. 252—3.

Съ 1880 по 1890 г. населеніе возросло на 4,6%. Число лицъ, занятыхъ доходными профессіями, въ земледѣліи, рыболовствѣ и горномъ дѣлѣ—на 12,6%, въ домашнемъ и личномъ услуженіи—на 24,5%, мануфактурной и механической промышленности—на 49,1%, торговлей и перевозкой на 78,2%. «Эти общія цифры ясно обнаруживаютъ тенденцію современнаго общества прилагать меньше рабочей силы къ земледѣлію и добывающей промышленности и больше къ мануфактурѣ, транспорту и торговлѣ» [1]).

Выводъ, кажется, ясенъ: роль земледѣльческаго населенія въ капиталистическихъ странахъ падаетъ,—оно уменьшается относительно и даже абсолютно.

Изъ всего предыдущаго видно, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго научнаго основанія сулить всякія блага въ будущемъ мелкимъ земледѣльческимъ хозяйствамъ, а тѣмъ болѣе—ставить во главу угла ихъ созданіе. Рынокъ, руководимый капиталомъ, не замедлитъ сдѣлать себѣ подчиненныхъ изъ «самостоятельныхъ» крестьянъ. Между тѣмъ, націонализація земли (или соціализація—принципіальнаго различія между двумя этими терминами нѣтъ, если послѣдній не имѣетъ въ виду соціализаціи производства) это предполагаетъ. Общій земельный фондъ раздается на арендныхъ началахъ отдѣльнымъ семьямъ; до сихъ поръ никто изъ сторонниковъ такой реформы не рискнулъ допустить насажденіе сразу земледѣльческихъ производительныхъ ассоціацій. Даже гг. націонализаторамъ это, очевидно, кажется утопичнымъ! Для насъ, впрочемъ, безразлично, предполагается ли веденіе хозяйства артелями, или отдѣльными семьями. Разъ нѣтъ претензіи—мѣновое хозяйство сейчасъ же силой пропаганды превратить въ соціалистическое, то оно предполагается и впредь мѣновымъ. Кто же можетъ поручиться за постоянно благопріятную рыночную конъюнктуру для милліоновъ «трудовыхъ» хозяйствъ крестьянъ? Вѣдь продавать-то земледѣльческіе продукты они будутъ, хотя бы для уплаты скромныхъ коммунальныхъ (если не государственныхъ) податей? Вѣдь нельзя допустить, чтобы сторонники націонализаціи

[1]) Майо-Смитъ, ibid., стр. 74—5.

стояли за упраздненіе всякихъ общественныхъ бюджетовъ. Мало того, неужели крестьяне сами себѣ будутъ приготовлять все нужное для потребленія и хозяйничанья? Вѣдь это уже не соціализмъ, а самый грубый, первобытный «натурализмъ». А если сохранится и даже усилится раздѣленіе занятій, то будетъ и мѣновой оборотъ, и вліяніе рынка; стало быть, проявится и экономическая дифференціація. Не знаю, была ли учтена и въ какой мѣрѣ сторонниками націонализаціи земли необходимость весьма крупной кредитной операціи на первыхъ же порахъ, во время проведенія земельной реформы. Пауперу нельзя предложить «jus nudum», голое право снять въ аренду участокъ земли: надо обставить его инвентаремъ. Безъ всякаго сомнѣнія, не менѣе 5 милліоновъ дворовъ нуждается въ такой поддержкѣ; считая по 100—200 р. на дворъ для надлежащаго обзаведенія, мы получимъ внушительную сумму около милліарда рублей. Какъ и гдѣ получить эти средства—отвѣтъ ясенъ: предстоитъ работа реформированному государству. Конечно, можно рекомендовать секвестрацію для этой цѣли движимыхъ капиталовъ монастырей; но, во-первыхъ, неизвѣстенъ ихъ размѣръ, во-вторыхъ, такая мѣра можетъ встрѣтить сильное противодѣйствіе въ крестьянской же средѣ, и, въ-третьихъ, поскольку существующія суммы захвачены современнымъ кредитнымъ оборотомъ, вопросъ объ ихъ конфискаціи не такъ уже просто разрѣшается. Вообще, съ такого рода конфискаціей надо быть очень осторожнымъ чтобы неожиданно для себя не создать чего-либо вродѣ «Вандей». Допустивши даже, что часть суммъ для устройства крестьянъ можетъ быть добыта такимъ путемъ, мы, очевидно, должны еще имѣть въ виду заключеніе значительнаго займа для этой цѣли.

Но этимъ дѣло не ограничивается. Цѣль націонализаціи земли—избѣжаніе крестьянской пролетаризаціи. А для этого нужна постоянная поддержка государственныхъ или общинныхъ арендаторовъ, постоянный надзоръ за хилыми въ экономическомъ отношеніи хозяйствами. Если этого не дѣлать, то разслоеніе (или скрытая пролетаризація) будетъ итти тѣмъ же порядкомъ, что и въ нынѣшней общинѣ. Во избѣжаніе этого рекомендуютъ отъ времени до времени

совершать передѣлы; г. Туганъ-Барановскій считаетъ возможнымъ даже нарушать примѣрно черезъ каждыя 12 лѣтъ права «вѣчно-наслѣдственнаго арендатора». Но во время каждаго такого передѣла будетъ сказываться необходимость инвентарнаго обезпеченія слабыхъ хозяйствъ. Одному надо будетъ дать лошадь, другому—корову, третій лишился земледѣльческихъ орудій. Опека, если она не является фиктивной или не таитъ въ себѣ фискальныхъ мотивовъ (какъ это имѣло мѣсто въ нашей общинѣ), должна охватывать всѣ стороны крестьянскаго хозяйства. Поэтому—уравнительное землепользованіе непремѣнно предполагаетъ и періодическое накачиваніе капиталовъ въ «трудовое» хозяйство: ко времени передѣловъ надо выяснить слабыя экономическія единицы и дать имъ все нужное для хозяйничанья. Это обозначаетъ періодическіе займы для этой цѣли, періодическое перераспредѣленіе не только земли, но и денежныхъ рессурсовъ (или соотвѣтствующихъ благъ). Не знаемъ, сколько понадобится средствъ для осуществленія подобной всеобъемлющей опеки; невольно задаешься вопросомъ, «стоитъ ли овчинка выдѣлки», и не лучше ли заняться дѣйствительнымъ соціализированіемъ производства. Можетъ быть, проще будетъ воспринять идею Луи Блана—«организацію труда» и заняться устройствомъ на государственныя средства (выкупивши капиталы) всякаго рода «національныхъ мастерскихъ» и ассоціацій по всему лицу русской земли? Что же—при извѣстныхъ экономическихъ воззрѣніяхъ это и возможно; но врядъ ли марксистъ подпишется подъ такого рода проектомъ.

Однако и этимъ дѣло еще не ограничивается. Денежныя затраты на трудовыя хозяйства нужны не только для держанія ихъ in statu quo ante, но и для перехода къ болѣе интенсивной культурѣ. Часть такихъ суммъ можетъ скопляться у арендаторовъ отъ успѣшнаго веденія дѣлъ, но часть придется искать извнѣ. Опять получается треніе между земледѣльческимъ міромъ трудовыхъ хозяйствъ и міромъ движимыхъ капиталовъ. Лица, предлагающія націонализацію земли, предполагаютъ, что будетъ уничтожена только частная собственность на землю; индустрія же и

торговля останутся пока въ рамкахъ частной собственности, частной иниціативы. Частныя же лица врядъ ли съ охотой будутъ кредитовать арендаторовъ, ибо отсутствуетъ ипотека; инвентарь же является плохимъ обезпеченіемъ. Намъ представляется, что подъ однимъ условіемъ арендаторъ легко получитъ деньги отъ капиталиста: если заемъ будетъ обезпеченъ обязательнымъ трудомъ крестьянина. Инвентарь, жатва и трудъ человѣка—таково, на нашъ взглядъ, обезпеченіе будущихъ кредитныхъ сдѣлокъ. Мы не отрицаемъ, что такая кредитная комбинація мыслима и даже очень выгодна съ точки зрѣнія капиталиста; но вѣдь для мелкаго арендатора—это крѣпостное право. Конечно, на подобное ни они, ни quasi-выразители самобытныхъ русскихъ тенденцій не согласятся. Остается государственный кредитъ. Но пока капиталы не обобществлены, послѣдній черпаетъ суммы изъ частныхъ хозяйствъ. Допустимъ, что правительство раздобудетъ нужныя деньги у капиталистовъ; развѣ для уплаты процентовъ оно не прикуетъ «арендатора» къ тому несчастному клочку земли, какой выпадетъ ему на долю? Опять мы получаемъ крѣпостное право, только государственнаго характера.

Однимъ словомъ, какъ бы мы ни раскидывали умомъ, процессъ устраненія пролетаризаціи предполагаетъ всестороннюю опеку надъ индивидуальнымъ хозяйствомъ крестьянъ со стороны муниципалитетовъ и центральной власти. При сохраненіи частной собственности на капиталы, національзація земли врядъ ли принесетъ много пользы самому-то «трудовому» крестьянину. Здѣсь роковымъ образомъ сказывается совершенно произвольное и ненаучное раздѣленіе индустріи, торговли и земледѣлія въ народномъ хозяйствѣ. Какъ средневѣковая экономика съ ея цеховымъ строемъ и крѣпостничествомъ представляла собой нѣчто цѣльное, такъ и капиталистическое хозяйство является цѣлостнымъ организмомъ. Мечты же о насыщеніи капиталами «трудовыхъ хозяйствъ» съ помощью государственнаго кредита есть второе изданіе «прудоновскаго» народнаго банка. Излишне, кажется, объяснять, что всякая организація взаимнаго кредита, который приводитъ въ движеніе все-

таки частныя суммы, нисколько не измѣняетъ дѣла по существу.

Правда, не разъ приходилось слышать о томъ, что отсутствіе частной собственности на землю и періодическіе передѣлы будутъ способствовать скорѣйшему и безболѣзненному переходу къ соціалистическому хозяйству. Поскольку въ крупномъ хозяйствѣ происходитъ организація производства и оголенная классовая борьба, постольку капиталистическая форма предпріятія является прекраснымъ подготовителемъ «государства будущаго». Всякія искусственныя насажденія артелей, кооперацій и т. п. «чрезъ одно воздѣйствіе на сознаніе» обречены на полное безплодіе. Мы отнюдь и не думаемъ отрицать важности кооперативнаго движенія; но мы впали бы въ утопизмъ, если бы возлагали на него очень большія надежды. Соціалистическій raison d'être устраненія частной собственности на средства и орудія производства имѣется на лицо лишь тогда, когда созрѣлъ процессъ обобществленія. Юридическая норма мѣняется согласно съ новымъ содержаніемъ, создать же послѣднее сама—не въ силахъ. И если бы даже въ каждой деревнѣ находилось по одному самому пылкому кооператору, отъ этого хозяйство Россіи такъ же мало превратилось бы въ соціалистическое, какъ мало православное духовенство, провозглашающее ученіе Іисуса Христа, является по существу христіанскимъ.

Говоря о націонализаціи земли, мы касались только экономической стороны вопроса; политическій эффектъ подобной мѣры уже достаточно разобранъ въ литературѣ (см. особенно № 5 «Дневника» Плеханова). Замѣтимъ только, что съ демократической точки зрѣнія въ настоящій моментъ націонализація земли способна внушать самыя серьезныя опасенія.

Допустимъ однако, что обращеніе всей земли въ національный или общественной фондъ можетъ состояться; неужели сторонники реформы не видятъ, какой могучій тормозъ интенсификаціи земледѣлія составитъ эта всероссійская община? Дамокловъ мечъ обязательныхъ передѣловъ даже съ обѣщаніемъ наслѣдственной аренды въ современномъ, несоціалистическомъ хозяйствѣ создастъ царство

рутинной агрикультуры; сохраненіе же принудительнаго сѣвооборота убьетъ всякій сельско-хозяйственный прогрессъ. Широкая практика наслѣдственной аренды ярко отмѣтитъ только одно: совершающійся среди арендаторовъ процессъ экономической дифференціаціи. Но вѣдь это—смерть для уравнительнаго землепользованія. Вопросъ о болѣе интенсивной культурѣ, повидимому, мало интересуетъ сторонниковъ націонализаціи. А между тѣмъ это вопросъ—не только завтрашній, но и сегодняшній.

Суммируя различныя данныя земельной статистики, не могущія претендовать на полную точность, мы получаемъ слѣдующую таблицу распредѣленія земельной собственности въ Европейской Россіи:

	Удобной.	Неудобной.	Всего.
	Тысячи десятинъ.		
Крестьянской надѣльной .	128.505	14.066	142.571
Частновладѣльческой . . .	94.243	11.383	105.626
Казенныхъ, удѣльныхъ, церковныхъ и др. учрежденій	116.182	45.339	161.521

На первый взглядъ можетъ показаться, что земельный вопросъ въ Россіи легко разрѣшается надлежащей утилизаціей казенныхъ и удѣльныхъ земель. Но извѣстно, что казенныя земельныя богатства расположены главнымъ образомъ на сѣверѣ, непригодномъ для земледѣльческой культуры, и состоятъ преимущественно изъ лѣсовъ. Изъ фискальнаго земельнаго фонда можно употребить въ цѣляхъ обезпеченія населенія землей, вѣроятно, не болѣе 5 м. дес., изъ удѣльныхъ—3 милл. дес.; всего, такимъ образомъ, 7—8 м. дес. Монастырскія владѣнія увеличатъ эту цифру весьма незначительно и при томъ непремѣнномъ условіи, что щадить лѣсовъ не будутъ.

Мы предполагаемъ, что надѣльная земля при осуществленіи реформы тронута не будетъ; опасность посягательства на нее сознаютъ и сторонники націонализаціи. Остается удобная (т.-е. съ лѣсами, изъ которыхъ многіе расположены въ изобилующихъ лѣсами мѣстностяхъ, многіе—въ безлѣсныхъ, а потому врядъ ли подлежатъ срубкѣ) частновла-

дѣльческая земля въ размѣрѣ 94 милл. десятинъ. Если нежелательно поднимать крестьянскую междуусобицу, то придется выкинуть изъ счета частновладѣльческую крестьянскую собственность (купленныя съ помощью Крестьянскаго и иныхъ земельныхъ банковъ и пр. земли). Таковыхъ, по оффиціальнымъ сообщеніямъ (данныя Комиссіи объ оскудѣніи центра), было:

1875 г.	1877 г.	1887 г.	1897 г.	1900 г.
Тысячи десятинъ.				
5.310	7.110	11.593	16.453	19.894

Такимъ образомъ, по 1900 г. 19,5% всего частнаго землевладѣнія (а теперь и больше того) находилось въ рукахъ крестьянскаго сословія. Исключая изъ раздѣла и эти земли, мы сокращаемъ земельный фондъ до 74 милл. десят. Безъ лѣсовъ земельная площадь въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ сокращается до 55 милл. дес. (по другимъ даннымъ всего до 46 съ небольшимъ). Предположимъ, однако, что не будутъ сводиться частновладѣльческіе лѣса только въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ; но тамъ ихъ около 10 милл. д. Фондъ спускается до 64 м. дес., а съ казенными и удѣльными до 70—71 милліона десятинъ. Мужское сельское населеніе въ 50-хъ годахъ составляло 23 милл. душъ, въ 1900 г.—43 милліона. Если вычислить по этимъ даннымъ увеличеніе земельнаго обезпеченія на душу мужского пола, то окажется около 1,7 десятины.

Нынѣ на душу м. п. вмѣстѣ съ купчими приходится 3,05 десятины. Прибавивъ 1,7, мы получаемъ норму земельнаго обезпеченія при конфискаціи всѣхъ возможныхъ владѣній и нещадномъ истребленіи лѣсовъ—4,75 десятины. Въ результатѣ—сельское населеніе меньше будетъ обезпечено землей (благодаря увеличенію количества жителей), чѣмъ въ 60-хъ годахъ: тогда приходилось 4,83 десятины. Конечно, такая прибавка—не пустякъ: на дворъ придется въ среднемъ 5—6 десятинъ новой земли. Но если немедленно не будутъ созданы условія повышенія сельско-хозяйственной культуры, то въ самомъ недалекомъ будущемъ надо ждать прежнихъ голодовокъ.

Мы взяли максимальныя цифры, предполагая экспро-

пріацію владѣній и купцовъ, и мѣщанъ, и такъ называемыхъ прочихъ владѣльцевъ. Гораздо раціональнѣе имѣть въ виду только дворянскія помѣстья. Земельный фондъ въ такомъ случаѣ сильно понижается.

Дворянамъ принадлежало:

1875 г.	1877 г.	1887 г.	1897 г.	1900 г.
Тысячи десятинъ.				
71.616	70.186	65.801	57.833	54.013

(Комиссія объ оскуд. центра).

Предполагая полное уничтоженіе помѣщичьихъ экономій вычитая сѣверные лѣса и неудобныя земли, допуская вырубку прочихъ лѣсовъ и прибавляя небольшую сумму казенныхъ и удѣльныхъ земель, мы, вѣроятно, не получимъ болѣе 45—50 милл. десятинъ.

Можно считать также вѣроятнымъ (все зависитъ отъ хода событій), что борьба деревни за землю окончится отчужденіемъ въ ея пользу не всѣхъ помѣщичьихъ владѣній, а—главнымъ образомъ—арендуемыхъ крестьянами земель; въ такомъ случаѣ націонализировать или соціализировать придется всего 20—30 милл. десятинъ. Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды, вѣроятно, доходятъ только до 30 м. десят. Подсчеты пр. Карышева, давшіе въ итогѣ 50 милл. крестьянской аренды, носятъ миѳическій характеръ и требуютъ допущенія, что почти всѣ частные владѣльцы (помимо крестьянъ) сами не ведутъ хозяйства.

Приведенныя нами цифровыя данныя указываютъ, что, во-первыхъ, земельный фондъ для обезпеченія крестьянъ—невеликъ, и, во-вторыхъ, во избѣжаніе хроническаго недоѣданія, крестьянское хозяйство должно сейчасъ же интенсифицироваться. При нашихъ сборахъ съ десятины разсчитывать на благополучіе общинныхъ арендаторовъ не приходится; гальванизація же полуразложившагося трупа нынѣшней общины и произведеніе подобныхъ экспериментовъ въ большомъ масштабѣ, по нашему убѣжденію, сильно затормозитъ развитіе производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Предоставляемъ «самобытнымъ» экономистамъ рисовать радужныя картины насажденія крупныхъ земледѣльческихъ кооперацій изъ мелкихъ арендаторовъ, устройства сырова-

ренъ и маслобоенъ,—мы сомнѣваемся въ ихъ жизнеспособности даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Выгоды усовершенствованной техники и преимущества труда мелкаго собственника передъ батрацкимъ соединитъ только соціалистическій хозяйственный строй.

VIII.

Подведемъ итоги вышесказанному.

Сословный строй и неограниченная монархія, аттрибуты стараго режима, не останавливая капитализированія русской экономики, придали этому процессу весьма злокачественныя формы, развивая эксплоатацію и замедляя ростъ производительныхъ силъ страны. Противорѣчіе между общественно-экономическимъ содержаніемъ нашей жизни и ея политической оболочкой привело къ революціи. Капитализмъ стремится подчинить себѣ абсолютизмъ; употребляя обычную терминологію, мы можемъ назвать переживаемую революцію буржуазной. Элементовъ для соціальнаго переворота у насъ нѣтъ, если только историческая схема Маркса не понимается нами «шаблонно». Если бы даже на Западѣ и разразилась сейчасъ соціальная революція, то Россіи стоило бы большихъ трудовъ воспользоваться плодами ея побѣдъ. Индустріальный пролетаріатъ, авангардъ пролетарской арміи и реализаторъ «диктатуры» пролетаріата, численно еще слабъ и недостаточно организованъ. Крестьянская масса, на нашъ взглядъ, неспособна воспріять соціалистическое производство: аграрное движеніе конечной цѣлью имѣетъ упроченіе индивидуальнаго хозяйства. При такихъ условіяхъ, во имя реалистичности программныхъ дѣйствій, вопросъ о соціальной революціи долженъ быть снятъ съ очереди.

Исторія позволяетъ Россіи въ настоящій моментъ устранить крестьянскій пауперизмъ только въ рамкахъ индивидуалистическаго-капиталистическаго хозяйства. Иного пути разрѣшенія аграрной проблемы, по нашему мнѣнію, сейчасъ нѣтъ. Но если результатъ движенія выразится въ созданіи и укрѣпленіи сотенъ тысячъ крестьянскихъ дворовъ, милліоновъ домохозяевъ, то, очевидно, партіи, стоящей на

точкѣ зрѣнія пролетарскихъ интересовъ, руководительницѣ пролетаріата, въ чисто-земельную сторону крестьянскаго вопроса активно вмѣшиваться не приходится. Во всякомъ случаѣ заранѣе точно опредѣлить и фиксировать въ программѣ степень ея участія невозможно.

Всей марксистской идеологіи противорѣчитъ роль пролетарской партіи въ качествѣ поземельной устроительницы. Опекать крестьянство, какъ таковое, отстаивать его историческіе классовые интересы — партія не призвана. Аграрный вопросъ, несмотря на всю желательность дискуссій по этому поводу, предрѣшенъ общей программой. Пролетаріатъ можетъ получить устойчивое соціальное положеніе, добиться настоящаго «права на трудъ» только въ рамкахъ соціалистическаго хозяйства; только въ немъ исчезнутъ безработица и резервная рабочая армія, исчезнетъ пролетаріатъ всѣхъ видовъ. Соціализація (въ точномъ смыслѣ этого слова) всѣхъ вѣтвей экономики—таково credo пролетарской партіи. Путь осуществленія этого идеала опредѣляется историко-философской концепціей марксизма. Пока этой концепціи никто надлежащимъ образомъ не опровергнулъ, и она продолжаетъ лежать въ основѣ марксистскаго міровоззрѣнія, никакой особой аграрной, т.-е. крестьянской программы нѣтъ и быть не можетъ. Каутскій говоритъ: «Защита интересовъ сельскихъ рабочихъ не требуетъ особой программы. Но если хотятъ сдѣлать своимъ дѣломъ защиту особыхъ интересовъ крестьянства, особая аграрная программа становится необходимостью» [1]). Но— особые интересы крестьянства—индивидуалистическаго характера. Совѣтовать крестьянамъ поскорѣе пролетаризироваться — вещь довольно мудреная. Заниматься же распредѣленіемъ угодій—это значитъ сходить съ позиціи, опредѣляемой марксистскимъ міровоззрѣніемъ.

Руководить собственниками (или во всякомъ случаѣ — индивидуалистами) — крестьянами въ области чисто экономической партія не можетъ; разрывъ же съ идеологіей, правильность которой постоянно подтверждается жизнью,

[1]) Каутскій: «Аграрный вопросъ», стр. 373.

является самоизнасилованіемъ и влечетъ за собой самыя непріятныя послѣдствія. Не бросая никому упрека, замѣтимъ только, что марксистъ ни въ коемъ случаѣ не могъ подписываться подъ лозунгомъ «Земля и воля».

Если марксисты удѣляютъ въ своей программѣ особое мѣсто крестьянамъ, почему не говорить о ремесленникахъ, лавочникахъ и т. п., которые вѣдь тоже часто страдаютъ отъ эксплоатаціи сильнѣйшихъ? Но это означало бы превращеніе пролетарской партіи въ партію «всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ». Несомнѣнно, большинство изъ нихъ можетъ войти въ партію, если проникнется пролетарской классовой точкой зрѣнія; но только въ этомъ случаѣ защищать какіе-либо особые—непролетарскіе—интересы не придется.

Въ самомъ недалекомъ будущемъ экономическая эволюція разовьетъ формы «свободной классовой борьбы въ деревнѣ»; вотъ тогда-то найдется здѣсь мѣсто и для пролетарской партіи въ качествѣ руководительницы, и этого мѣста никто у нея не отниметъ.

Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что рабочая пролетарская партія должна остаться пассивной зрительницей крестьянской борьбы за землю. Преслѣдуя чисто-пролетарскія цѣли экономическаго характера (въ сферѣ рабочаго вопроса), партія выставляетъ опредѣленные политическіе лозунги, ведетъ политическую борьбу самымъ энергичнымъ образомъ. Въ этой борьбѣ ей приходится искать союзниковъ, чтобы добиться извѣстнаго политическаго эффекта. Такимъ естественнымъ союзникомъ въ настоящій моментъ является крестьянство. Мы указывали выше, что знаменуетъ собою въ общественно-политическомъ смыслѣ переходъ къ крестьянамъ частновладѣльческой земли: это—окончательное паденіе сословнаго строя, являющагося опорой для абсолютизма. Поэтому пролетарская партія можетъ и должна въ извѣстныхъ предѣлахъ оказать поддержку крестьянскимъ требованіямъ, обѣщать свою помощь, отнюдь не возлагая на себя задачу устроенія деревни. Да и задача эта больше разрѣшится фактически, чѣмъ по извѣстнымъ регламентамъ. Подумайте, сколько споровъ возникнетъ изъ-за одного вопроса, отдавать ли вновь пріобрѣтенную крестья-

нами землю въ ихъ частную собственность или же устроить изъ нея своеобразный арендный фондъ! Способъ распредѣленія земли вызоветъ бездну разногласій: надѣлять ли ее по количеству «ѣдоковъ» въ семьѣ или работниковъ, принимать ли во вниманіе размѣры инвентаря и проч. Разрѣшится ли вопросъ въ ту или другую сторону (а разрѣшать его будутъ мѣстные крестьяне), общій капиталистическій процессъ по существу не измѣнится, а потому поземельное устроеніе надо предоставить самимъ крестьянамъ и не насиловать ихъ желаній. Конечно, какъ общій принципъ, марксистъ долженъ выставить освобожденіе крестьянина отъ всякихъ общинныхъ и мірскихъ путъ.

Оставляя въ сторонѣ вопросы государственно-правового и общекультурнаго характера и обращаясь только къ экономикѣ, партія рабочаго пролетаріата, на нашъ взглядъ, можетъ обѣщать крупное облегченіе податного бремени, содѣйствіе переходу въ распоряженіе крестьянскихъ комитетовъ возможно большей площади частновладѣльческой земли. Много споровъ возбуждаетъ вопросъ о выкупѣ и безвозмездной экспропріаціи послѣдней. Не предрѣшая условій перехода земельнаго фонда къ крестьянамъ, мы хотѣли бы остановить вниманіе читателя на слѣдующихъ соображеніяхъ по поводу «отобранія» земли. Въ рамкахъ натуральнаго хозяйства конфискація была бы возможна, пожалуй, при извѣстномъ соотношеніи борющихся силъ: не особенно многочисленный дворянскій классъ долженъ былъ бы уступить силѣ (само собою разумѣется, что лишенные всякихъ средствъ прежніе землевладѣльцы должны были бы извѣстное время содержаться на общественный счетъ). Но въ капиталистическомъ хозяйствѣ интересы недвижимой и движимой собственности тѣсно переплетены между собою. Совершенно безвозмездная экспропріація частныхъ владѣній намъ кажется врядъ ли возможной уже потому, что въ сохраненіи ихъ рыночной цѣнности весьма заинтересованъ денежный капиталъ. Ипотечная задолженность опредѣляется у насъ слѣдующими суммами:

въ Дворянскомъ банкѣ	716.069.570 р.
особый отдѣлъ Двор. банка . .	47.625.917 »
въ Крестьянскомъ банкѣ . . .	405.083.272 »

въ земскомъ Херсонск. банкѣ.	152.803.632 р.
» акціонер. земельн. банкахъ.	574.943.001 »
» Дворянск. банкахъ Прибалт. губерній	86.281.000 »
» Зем. кред. Цар. Польск. . .	138.732.450 »
» Тифл. и Мих. двор. банк.	6.561.201 »
Всего . . .	2.128.100.043 р.

Если исключить Крестьянскій банкъ, то останется внушительная сумма въ 1.723.017.000 руб.

Цѣнность дворянскихъ и иныхъ земель поддерживаетъ цѣнность ипотечныхъ бумагъ, а тѣ въ свою очередь находятся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ другими биржевыми цѣнностями. Ихъ паденіе поколеблетъ весь европейскій денежный рынокъ; западный капиталистъ не допуститъ этого, развѣ его принудитъ замолчать громъ социальной революціи. Поскольку такихъ посылокъ нѣтъ, постольку трудно разсчитывать на безвозмездную экспропріацію. Настроеніе же западнаго капиталистическаго міра должно быть хорошо знакомо намъ, русскимъ, хотя бы по судьбѣ послѣдняго государственнаго займа.

Великая французская революція не можетъ служить примѣромъ для насъ, такъ какъ помимо чисто-политическихъ основъ конфискаціи (эмиграція съ военными цѣлями, мыслимая и теперь), сельское хозяйство тогдашней Франціи почти цѣликомъ покоилось на устояхъ натуральной экономики. Допущеніе уплаты ипотечныхъ долговъ при земельной реформѣ и безвозмездной экспропріаціи земель у ихъ владѣльцевъ страдаетъ внутреннимъ противорѣчіемъ. Ввиду всего этого реализуемость безвозмездной экспропріаціи земель находится подъ большимъ сомнѣніемъ; во всякомъ случаѣ, надо быть весьма осторожнымъ въ обѣщаніяхъ такого рода. Идея выкупа отнюдь не чужда марксистской точкѣ зрѣнія; достаточно упомянуть о Марксѣ, Энгельсѣ, Каутскомъ.

Въ статьѣ «Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи» Энгельсъ по поводу экспропріаціи крупныхъ землевладѣльцевъ говоритъ слѣдующее: «мы отнюдь не считаемъ недопустимымъ выкупъ. Марксъ высказывалъ мнѣ не разъ

свое мнѣніе, что дѣло обошлось бы дешевле всего, если бы мы могли откупиться отъ всей этой банды» [1]). Такъ говоритъ Энгельсъ о моментѣ насажденія новаго соціальнаго строя; тѣмъ больше основаній не бояться выкупа въ настоящій историческій моментъ.

Обѣщать можно слѣдующее. Пролетарская партія, если дѣло дойдетъ до выкупа, приложитъ всѣ усилія, чтобы новая выкупная операція не была похожа на свою предшественницу 61-го года, когда земля была оцѣнена даже выше своей реальной, рыночной цѣнности. Надо будетъ позаботиться и о томъ, чтобы новыя земельныя пріобрѣтенія попали въ руки дѣйствительно нуждающихся. Мало того, въ виду обще-государственнаго значенія реформы, тяжесть ея проведенія должна быть возложена не только на крестьянъ, но и на другіе общественные классы. Мы имѣемъ въ виду установленіе спеціальнаго прогрессивно-подоходнаго обложенія лицъ состоятельныхъ, которое дало бы возможность покрыть хотя бы половину процентовъ, причитающихся по займамъ на проведеніе выкупной операціи. Вѣдь если послѣдняя опять будетъ взвалена цѣликомъ на крестьянскія плечи, то положеніе деревенскихъ пауперовъ существенно не измѣнится,—допуская даже крупныя измѣненія податной системы. Тяжесть платежей не мѣняется въ зависимости отъ того, въ чей карманъ идутъ поступленія — частновладѣльческій или государственный.

Зная, что хозяйство не можетъ быть поставлено на ноги предоставленіемъ голаго права обрабатывать землю, партія можетъ оказать содѣйствіе пауперизированнымъ крестьянамъ въ образованіи особаго фонда, на покупку инвентаря и проч.

Читатель понимаетъ, что, несмотря на возможныя совпаденія предложеній въ пользу крестьянства со стороны пролетарской и другихъ партій, уголъ зрѣнія—совершенно отличенъ. Возможно, что при такой постановкѣ вопроса марксизмъ будетъ встрѣченъ въ деревнѣ враждебно; возможно, что значительная часть рабочихъ, еще мечтающихъ о землѣ, покинетъ партію. Это не должно смущать трезво

[1]) См. цитир. брошюру. Одесса, 1905 г., стр. 44.

смотрящихъ на жизнь марксистовъ. Ихъ партія должна оставаться классовой партіей пролетаріата и воздерживаться отъ кооптаціи элементовъ, находящихся въ другой соціальной плоскости. Ходъ экономической эволюціи не замедлитъ открыть передъ марксистами арену дѣятельности и въ деревнѣ, когда острая эпоха голодовки пройдетъ, и на развалинахъ крѣпостного режима разовьется свободная классовая борьба.

Выставленіе же особой аграрной программы въ пользу крестьянства является, по нашему мнѣнію, актомъ, несовмѣстимымъ съ основными задачами пролетарской партіи, разрушающимъ цѣльное и стройное зданіе ея идеологіи.
